
ИМАН КАЛЬБИ
БЕСПРИДАННИЦА
Жестокий Кавказ
18+

Иман Кальби

Бесприданница. Жестокий Кавказ

https://litres.ru/74900753
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты реально думала, что Ренат на тебе женится? Бесприданница из аула Ваш брак — постановка! Никах читал актер, свидетели — его дружки по бабам. Брат просто хотел тебя. Вы не женаты!

После первой брачной ночи в спальню врывается сестра моего новоиспеченного мужа и выносит безжалостный приговор

— Ты лжешь! — в ушах звенит. — Где Ренат?

— Со своей настоящей невестой. А ты — постельная игрушка, пока не надоешь. Это же Кавказ, детка Каждой твари по паре

Ренат Черчесов разбил мне сердце на тысячи осколков. Я подняла один из них и превратила в кинжал, который однажды всажу ему в сердце.

Его сестра права. Это Кавказ. Жестокий и беспощадный

История роковой любви

Будет дико эмоционально, оголенно до нервов и непредсказуемо!

ХЭ обязательно!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	47
Глава 8	56
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	81
Глава 12	88
Глава 13	98
Глава 14	102
Глава 15	107
Глава 16	111
Глава 17	116
Глава 18	123
Глава 19	128
Глава 20	132
Глава 21	139
Глава 22	143

Глава 23 148
Глава 24 158
Конец ознакомительного фрагмента. 166

Иман Кальби
Бесприданница. Жестокий Кавказ

Пролог

— Глупенькая Дагмара, — обходит меня по кругу Карина. Смотрит уничижительно. Ещё бы. Я совершенно голая. Прикрытая одной простыней, сорванной с кровати. Окровавленной простыней после нашей первой брачной ночи с Ренатом.
— Попалась, пташка...

— О чём ты? Где мой муж?! — нервы сдают. Потому что я не могу понять, что делает вломившаяся в нашу комнату с раннего утра его сестра.

Она злобно усмехается.

— Ты реально решила, что такой, как Ренат, богатый, красивый, статусный, женится на такой, как ты, бедная родственница? Нелепая бесприданница из аула, которую приютили в этом доме из жалости? Ваш брак был постановкой, нелепая! Никах зачитал никакой не кади, а актёр! И свидетели — дружки Рената, с которым он любит по бабам шастать...

Она говорит каждое слово — словно бы камнями забивает... Удар за ударом... Потом встаёт прямо напротив меня,

смотрит в глаза.

— Ренат просто очень хотел тебя трахнуть, Дагмара. Но он же не насильник... Вот и придумал оригинальный способ тобой насладиться... Разумеется, вы не женаты... Наш отец никогда не согласился бы на брак с такой, как ты...

То есть всё это было спектаклем? Его предложение руки и сердца, наш обряд никаха, его признания...

— Что ты говоришь? Ты лжёшь? — отступаю назад. В ушах звенит. Мне физически плохо. Не верю... Не верю... Его глаза, его сердцебиение, его шёпот и признания ночью...

— Не будь дурой. И так уже облажалась — дальше некуда. Его тут нет. Сделал дело — и свалил. Папа отправил Рената в командировку в Москву. Кстати, там живёт та, кто станет его настоящей женой. Одна из наших соседок по Барвихе, дочь главы нашей общины. А ты... — она снова уничижительно хмыкает. — Ренат просил меня тебе передать правду, милая. И что он добрый парень и оставит тебя при себе постельной игрушкой... Грелкой... пока не надоешь, разумеется. У него таких до тебя было столько...

Она звонко смеётся, разворачивается и выходит, как хозяйка жизни.

Она и есть хозяйка. Это дом семьи Черчесовых. Её дом. Её родного брата Рената. Их грозного молчаливого отца, смотрящего сквозь меня, словно бы я не существую, с того дня, как меня полгода назад отправили сюда родственники из села после смерти бабушки, которая единственная меня и вос-

питывала.

Бедная родственница. Бесприданница... Так называли меня за спиной. А в лицо смотрели с презрением и... завистью. Потому что отсутствие денег на моём счете было обратно пропорционально моей очевидной, кричащей красоте...

«Красота женщины — дикий зверь, которого Всевышний поселил в одном теле с её душой, — говорила мне бабушка. — Если ты не приручишь его, он убьёт твою душу жестоко, беспощадно, терзая... Но если сможешь укротить — он станет твоим идеальным оружием. И тогда жестокой, беспощадной и терзающей станешь ты сама, женщина... Какой путь выберешь ты, Дагмара?»

Я не выбирала своего пути. Его выбрали за меня. Те, кто решил, что им дозволено. Но я оказалась сильнее...

Глава 1

В то утро я проснулась от запаха хвороста. Бабушка пекла его с вечера, но запах, сладкий, домашний запах, всё ещё витал в воздухе, смешиваясь с горной свежестью, врывающейся в приоткрытое окно. Я лежала, глядя в побеленный потолок, и считала удары своего сердца. Семнадцать лет. Семнадцать весен. И каждый раз праздник Весны был для меня чем-то большим, чем просто день в календаре.

Это был день, когда мир надевал лучшие одежды.

— Дагмара! — голос бабушки ворвался в мои мысли, как утренний азан — требовательно и нежно одновременно. — Вставай, джейранчик мой. Солнце уже выше гор, а ты всё лежишь. В такой день нельзя просыпать счастье!

Я улыбнулась, потянулась, чувствуя, как хрустят косточки после долгой ночи. Счастье... Бабушка верила, что его можно проспать, пропустить, не заметить. Она верила, что счастье — это гость, который стучится ровно один раз, и если ты не откроешь, он уйдет к соседям.

Я встала, накинула легкий халат поверх ночной рубашки и подошла к окну. Село просыпалось. Улицы уже наполнялись людьми — женщины в ярких платках несли корзины с угощениями, мужчины тащили шесты для соревнований, дети носились между домами с визгом, похожим на птичий гомон... А высоко над всем этим, над крышами и деревья-

ми, над рекой и ущельем, стояли горы. Вечные, молчаливые, укутанные в снежные шапки, которые только начинали таять под ласковым весенним солнцем. Наши извечные соседи. Союзники. Защитники. Место силы каждого горца, куда бы судьба его ни занесла, в какие бы городские джунгли ни заселила...

Сегодня был день Яран Сувар. Праздник весны. Праздник, когда даже старики забывают о возрасте и танцуют, когда девушки надевают самые красивые платья, а парни — самые лихие черкески, когда воздух пахнет надеждой, а река, освободившаяся ото льда, несет свои воды быстрее, словно тоже торопится жить...

Бабушка уже хлопотала у печи, когда я спустилась. Она обернулась, и её глаза — тёмные, как спелый чернослив, лучистые и добрые — осветили всю кухню.

— Иди сюда, красавица моя, — позвала она, и я подошла, уткнулась носом в её плечо, вдохнула запах муки, тепла и вечности. — Сегодня особенный день, Дагмара. Ты чувствуешь?

— Чувствую, ба, — прошептала я. — Воздух другой. Прозрачнее, что ли...

По телу пробежал инстинктивный озноб предвкушения...

— Это души предков спускаются с гор посмотреть на нас, — ответила она, гладя меня по голове. — Они хотят увидеть, как мы помним их, как чтим обычаи, как радуемся жизни. Не подведи их, джейранчик.

Я оделась тщательно, как учила бабушка. Белое платье — длинное, струящееся, с вышивкой на груди и рукавах, которую она сама делала прошлой зимой долгими вечерами. Тонкий серебряный пояс, подарок матери, которую я почти не помнила. Платок — лёгкий, почти прозрачный, расшитый бисером — я накинула на волосы, но не стала завязывать туго, пусть ветер играет. Так было у нас модно, у девушек селения. Единственный способ почувствовать себя игривыми в суровых рамках приличий нашего строгого общества...

Бабуля не одобрила бы, но пока она не видела, я быстро схватила с кухонного стола спелую малину и быстро натерла ею губы. Если заметит и наругает — прикинусь дурочкой и скажу, что это я ягод переела, а если нет, если повезет, то буду с яркими губками...

Посмотрела на своё отражение... В зеркале отражалась незнакомка. Большеглазая, с кожей цвета слоновой кости, с длинной чёрной косой, перекинутой через плечо, и губами, которые бабушка называла «спелыми ягодами». Я смотрела на себя и не понимала, откуда во мне это? Кто дал мне эти скулы, этот изгиб бровей, эту тонкую талию, которую мог бы обхватить мужчина двумя ладонями? Я была красивой, объективно. Сложно было не признать. Но принесёт ли мне эта красота счастья?

«Красота женщины — дикий зверь», — шепнула я вслед за бабушкой её навет, и зеркало ответило мне испуганным взглядом собственного отражения...

Площадь гудела. Весь аул собрался у мечети, откуда начиналось шествие. Старики в белых папахах сидели на почетных местах, покуривая трубки и переговариваясь о чём-то важном. Женщины постарше суетились с угощениями, молодежь толпилась отдельно — парни кучковались у старого платана, девушки — чуть поодаль, стреляя глазами в их сторону...

Я стояла с подругами — Зариной и Патимат, которые уже который год мечтали выскочить замуж и никак не могли дождаться сватов. Зарина дергала меня за рукав:

— Дагмара, смотри, вон Асланбек на тебя смотрит! Опять!

— Пусть смотрит, — отмахнулась я. Этот противный долговязый одноклассник начинал уже бесить. Таскался за мной по пятам. А у самого с пятого класса сестра троюродная засватана...

— А вон те, приезжие, видели? — Патимат кивнула в сторону группы мужчин, стоявших чуть поодаль, в тени старого дуба. — Говорят, из самой Москвы приехали. Черчесовы.

— Ооо, те самые Черчесовы? — восторженно подхватила Зарина. — Так им тут всё и принадлежит... Отец семейства весь аул на свои деньги обеспечивает, молодец. И детям помогает, и старикам, и мужчинам рабочие места на пилораме организовал. И даже стипендии талантливым ученикам в городе оплачивает!

Я обернулась. И в ту же секунду поняла, что мир только

что треснул пополам... Я так отчаянно сейчас помню этот момент, так отчаянно... Помню даже, как шумела молодая листва над головой, когда я посмотрела...

Я знала этот род. Кто в нашем ауле не знал? Черчесовы — легенда, кровь, история... Их прадед когда-то уехал в Москву ещё в советские времена, сделал состояние, потом передал сыну... Сейчас Сулейман Черчесов был одним из самых богатых людей в стране. И при этом он не забывал корни. На его деньги построили новую мечеть, отремонтировали школу, проложили дорогу к районному центру, облагородили родник, который считался святым...

Каждый год на праздник Весны кто-то из Черчесовых обязательно приезжал в аул. Иногда сам Сулейман, иногда кто-то из трёх сыновей. И каждый раз это было событие. Девушки сходили с ума, парни завидовали, старики одобрительно кивали...

Но сейчас я смотрела не на респектабельную группу. Я смотрела на одного...

Он стоял чуть в стороне от остальных. Высокий. Очень высокий. Тёмные волосы, чёрные, как вороново крыло, чуть тронутые ветром... Черкеска сидела на нём так, словно была сшита не портным, а самими небесами — идеально по плечам, по груди, по тонкой талии, перетянутой узким серебряно-золотым с инкрустацией поясом. Красная. Ослепительно-красная, как мак, как кровь, как закат над горами... И на груди — газыри.

Газыри — это гнёзда для патронов, которые раньше нашивали на черкеску воины. По семь с каждой стороны, по числу дней недели, по числу ступеней рая, по числу пуль, которые может вместить грудь мужчины... Сейчас это было просто украшением. Просто данью традиции. Но на нём эти серебряные цилиндрики смотрелись не как декор. Они смотрелись как обещание. Как напоминание о том, что перед тобой — воин. Даже если он никогда не держал в руках настоящего оружия...

Какой красивый молодой мужчина! Он разговаривал с кем-то из старейшин, чуть склонив голову, и улыбался той особенной улыбкой, которой богатые улыбаются бедным — снисходительно, но вежливо. Почему-то эта мысль тогда меня кольнула... Мужчина вдруг, словно почувствовав мой взгляд, поднял голову.

Наши глаза встретились.

Я не смогла отвести взгляд. Просто не смогла. Вопреки воспитанию, вопреки гуляющему по крови кипятком стыду, я смотрела на этого мужчину из другого мира с благоговейным восторгом... Как на Бога...

А он смотрел на меня... На меня! Через всю площадь, через сотни людей, через всю мою прошлую жизнь, которая в этот миг кончилась, — и во взгляде его было что-то такое, от чего у меня подкосились колени.

Серо-голубые глаза. Легенды гласили, что такого цвета глаза в нашем селе только у потомков ханов... У тех, чья

кровь избранная и чистая... Даже на расстоянии мне казалось, что они с золотыми искрами, зажженными солнцем... В них читалось всё сразу: интерес, удивление, знание, опасность... И ещё что-то, чего я не могла назвать, но от чего сердце пропустило удар...

— Дагмара! — Зарина дернула меня за руку. — Ты чего? Побледнела вся...

Я моргнула. Отвела взгляд. Посмотрела на подругу, не видя её.

— Ничего, — прошептала я. — Грудь... сперло.

Но когда я снова подняла глаза, он всё ещё смотрел на меня. Смотрел, не отрываясь, словно я была единственным человеком на этой площади. Словно вокруг не было ни старейшин, ни его семьи, ни сотен людей. Были только я и он...

— Это кто? — произнесла сипло, облизывая пересохшие губы.

— Ренат Черчесов, — с придыханием ответила Зарина. — Старший сын Сулеймана. Двадцать девять лет, не женат. Правая рука отца... Московский гуляка... И просто красавец... Аллах, посмотрите, девочки, как он красив в черкеске!

Тот, о ком шептались девушки. Тот, за кого любая из нас вышла бы замуж, даже не глядя, даже не спрашивая, даже зная, что счастья не будет...

Он вдруг улыбнулся — чуть, одними уголками губ, — и кивнул. Мне. Едва заметно, почти неуловимо. А потом отвернулся и снова заговорил со стариками, словно ничего не

произошло...

— О боже, — выдохнула Патимат. — Вы видели? Он на кого-то смотрел из нас! Ренат Черчесов на кого-то смотрел!

— На меня, наверное, — хмыкнула Зарина, поправляя платок. — Я сегодня такая...

Я молчала. Сердце билось где-то в горле, мешая дышать. Ладони вспотели. В ушах шумело...

И правда, с чего это я решила, что он на меня уставился?

Я даже попыталась уверить себя, что мне показалось.

Глупая...

Это было только начало. Только первый шаг к роковому и неизбежному.

На площади заиграла зурна, забили барабаны. Начались танцы. Но я ничего не слышала. Я смотрела на красную черкеску среди толпы и чувствовала, как судьба затягивает петлю на моей шее.

Бабушкины слова всплыли в памяти:

«Красота женщины — дикий зверь... Если ты не приручишь его, он убьёт твою душу...»

Глава 2

Зурна пела, а горы отвечали ей эхом. Барабаны били в такт моему сердцу, которое никак не желало успокаиваться. Площадь превратилась в единый живой организм — люди кружились в танце, хлопали в ладоши, выкрикивали что-то радостное, забыв о возрасте, болезнях, заботах. Даже старики притопывали, сидя на почетных местах, и в такт покачивали головами. Танец на Кавказе — это всегда ритуал. В нём столько жизни и силы, столько смысла. По-настоящему глубину его смысла может прочувствовать только выходец из этих мест... Лезгинка льется в нашей крови... Она и есть мы.

Я стояла у края импровизированного круга, наблюдая за танцующими. Старалась делать вид, что смотрю поверх, невовлеченно, как у нас положено девушке. На самом деле я искала только одного... Красный. Среди пестроты национальных костюмов — белых, черных, темно-синих, зеленых — красный горел маяком, зажигалкой, предупреждением...

— Дагмара, чего стоишь как вкопанная? — Зарина тянула меня за руку. — Пошли в круг! Ой, смотри, Асланбек смотрит опять. Сейчас пригласит тебя...

— Идите, я потом, — отмахнулась я, чувствуя, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия. — Не хочу танцевать сегодня...

Они ушли — Зарина и Патимат, увлеченные всеобщим

весельем, забыв обо мне через минуту. А я осталась. Стояла под старым орехом, прижимая ладони к груди, чтобы унять сердце, и смотрела, как он танцует.

Ренат Черчесов двигался так, словно родился в этом танце. Легко, грациозно, но при этом с той мужской статью, которую не купишь за деньги и не воспитаешь в закрытых школах. Его партнерша — какая-то счастливица из соседнего села, судя по незнакомому платку, — едва поспевала за ним, то краснея, то бледнея от его близости. А он улыбался ей, но глаза его смотрели поверх её плеча. Небрежно, легко... Последние движения — и я точно знала, что он больше про неё не вспомнит.

Сердце резко укололо...

Я рвано схватила воздух ртом.

Ренат крутанулся — и снова наши глаза пересеклись...

Я замерла. Дышать... Нужно дышать.

Танец кончился. Барабаны сначала чуть замедлили темп, подстраиваясь под новую мелодию, а потом забили снова. Пары в кругу сменились. Я продолжала улыбаться и хлопать.

Ренат галантно поклонился партнерше, что-то сказал, отчего та вспыхнула до корней волос...

— Салам, красавица, — раздалось сбоку, и я подпрыгнула от неожиданности.

Асланбек. Ну конечно же... Куда без него...

— Пойдем танцевать.

— Я не танцую сегодня... — сжала губы, уходя от его

взгляда. Как же меня бесило, когда он на меня смотрел!

— А что так? Вырядилась, пояс серебряный мамкин надела... Себя же показать... Губы свои намазала, чтобы каждый мужчина на них смотрел...

— Что непонятного, братишка? — вдруг услышала я голос сзади и резко обернулась...

Нет... Не может быть...

— Она мне танец обещала...

Позади всего в шаге от нас стоял Ренат, смотрел на меня и улыбался...

Глава 3

Обошел меня? Когда? Я смотрела вперед, а он появился сзади, как настоящий джинн, как наваждение...

Он стоял так близко, что я чувствовала запах его парфюма — горьковатый, древесный, с нотками чего-то сладкого, запретного. И запах гор. И запах денег, хотя я не знала тогда, как пахнут деньги... Просто никто никогда в моем окружении так не пах...

— Погуляй давай пока. Тебя твои друзья заждались. Там на площади вроде айфоны раздают бесплатные.

То, как нелепо резко сдуло Асланбека, стоило ему услышать про айфоны, вызвало неприятное, почти унизительное чувство гадливости. И это даже не было чем-то сродни испанскому стыду, когда тебе неудобно за другого. Просто я вдруг резко ощутила пропасть между такими, как он, и такими, как мы, живущие здесь...

Ренат медленно обошел меня и теперь встал напротив...

— Ты умеешь танцевать, горная девочка? — спросил он. Голос низкий, чуть хрипловатый, с едва уловимой усмешкой, спрятанной глубоко внутри.

Я сглотнула. Во рту пересохло. Его глаза были светлыми, но... такими горячими, такими глубокими... Какое-то тотальное, почти сакральное превосходство было в них заключено...

— Умею, — ответила я и поразилась тому, как ровно прозвучал мой голос. Внутри всё дрожало, а голос — нет. Бабушка говорила, это признак сильных...

— Тогда пойдем, — он протянул руку. — Покажи мне, как ты танцуешь...

Я посмотрела на его ладонь. Широкая, с длинными пальцами, ухоженная, но не изнеженная. Рука, которая умеет не только подписывать чеки. Рука, которая может удержать.

Я не буду её брать. Это только знак. В нашей культуре к женщине может прикоснуться только тот мужчина, кто заявляет на неё свои права...

— Вы даже не спросили моего имени, — сказала я, не принимая руки. Дерзость? Глупость? Самоубийство? Но я не могла иначе. Во мне вскипела та самая горская кровь, которую бабушка называла «упрямой, как ишак, и горячей, как лава»...

Он улыбнулся. Аллах, мне нельзя было смотреть на эту улыбку. В ней была моя погибель... В ней было всё то, что нельзя женщине пускать ни в свой разум, ни в своё сердце, ни в своё тело...

— Я знаю твоё имя, Дагмара, — ответил он. — Парни мне сказали... Я спросил их, как зовут самую красивую девушку на площади, которая конкурирует сегодня с красотой солнца...

Мое сердце упало в пятки. Господи, мне ведь никто никогда не делал вот таких комплиментов. Максимум, Асланбек

за косички дергал или водой из ручья обливал. А так...

— А как меня зовут, знаешь?

— Ренат, — выдохнула я, и это имя обожгло губы.

Дура... Надо было промолчать, соврать... Притвориться, что не в курсе...

— Умница, — снисходительно протянул он. — А теперь пойдём танцевать, пока старики не начали обсуждать, почему старший сын Черчесовых стоит с самой красивой девушкой тухума под орехом дольше, чем положено для приличий.

Он взял мою руку сам. Взял! Немыслимо!!! Не спрашивая больше. Просто сомкнул пальцы на моём запястье, и по коже побежали мурашки — горячие, колючие, сладкие.

Я слышала перешёптывания... Видела острые глаза девиц и их матерей. Цоканья старших.

В страхе резко одернула её, торопясь.

Ренат обернулся.

— Всё нормально, Дагмара?

Я промолчала...

Мы вышли в круг. Люди расступались перед нами. Я чувствовала сотни взглядов — завистливых, удивленных, неодобрительных, восхищенных.

Что-то странное вокруг происходило. Или может это было чисто моё восприятие...

Зурна заиграла снова.

И мы пошли, вскинув руки...

Я не помню движений. Не помню, как двигались ноги,

как кружилась голова, как хлопали в ладоши вокруг. Помню только его глаза — бездонно светлые, как воды, глубокие, в которых отражалась я, белое платье, горы, небо, вся моя жизнь, которая в эти минуты решалась, выбиралась, проигрывалась...

Когда заиграли последние аккорды и я сделала финальный разворот, от которого мои юбки красивым колокольчиком закрутились вокруг ног, мы остановились и поклонились друг другу.

Я положила руку на грудь, как того требует традиция, чуть наклонилась, благодаря за танец, и развернулась, быстро побежала в сторону. Покосившееся здание старой школы нависало над шумным горным ручьем, который даже зимой не замерзает. Черчесовы уже как два года построили новую школу, а эта так и стояла пустой. Иногда мы ходили туда в библиотеку. Поискать что-то среди старых запыленных книг, присланных в горы ещё во времена Советского Союза...

Я любила брать старенький томик классика, а потом усаживаться на полено прямо тут, у буйного ручья. Смотреть на небо, горы...

И сейчас хотелось именно тут дух перевести от всех этих впечатлений...

Вздрогнула, когда за поворотом буквально влетела в красную черкеску.

Опешила, не веря, поднимая глаза...

Передо мной был Ренат...

Господи, почему?! Он следил?! Смотрел за мной.

Сделала инстинктивно шаг назад, к стене, но он настиг.

Вжалась в стену. Понимая, что если хотя бы на десять сантиметров от неё оторвусь, непременно врежусь в его грудь...

Глава 4

Я чувствовала его дыхание.

Это пьянило меня.

И это было совершенно неправильно...

— Ты опасная девочка, Дагмара, — произнес он чуть сипло. От этого тона, от его голоса по коже побежали мурашки. — Ты это знаешь?

Я промолчала. Потому что не знала ответа.

— Ты здесь родилась? — спросил он.

— Да. Здесь выросла. С бабушкой.

— А родители?

— Мать с отцом умерли, когда мне было три. Разбились на машине, улетели в пропасть после оползня, — я говорила спокойно, без надрыва. Это была правда, и я давно с ней сжилась.

— А лет сколько? В институте учишься?

— Школу заканчиваю...

Сказать, что меня никто никогда не отпустит в город учиться, было стыдно... Вмиг убогость моей жизни пронеслась перед глазами вспышками... Где я, где он...

— Ты засватанная? Кому-то принадлежишь? — этот его последний вопрос скрутил живот в рог...

— Нет... — получилось сипло, низко...

— А этот паренек? Он с тебя взгляд не свёл сегодня...

— Просто одноклассник, — я сказала так резко... Словно бы оправдывалась...

Ренат усмехнулся...

Протянул руку и коснулся моего подбородка, чуть приподнимая, чтобы я смотрела в глаза. Это прикосновение обожгло. Меня никто никогда так не касался...

Он вдруг засунул руку в карман и вытащил телефон. Айфон, конечно же, последняя модель...

— Бери... Я тебе позвоню, ответишь... — не спрашивал. Это была команда.

Я замерла, глядя на агрегат, цену которого я даже представить боялась.

— Нет, не могу взять... Что я бабушке скажу? Это же сколько денег.

— Скажешь, что выиграла на площади, — хохотнул он. — Там и правда айфоны разыгрываются. Отец организовал. Бери, Дагмара...

Я кротко опустила глаза.

Плохо он на меня действовал...

Обездвиживая...

Мы стояли у родника, за старым зданием школы. Время текло вместе с его водами, словно бы мимо. Где-то играла музыка, где-то смеялись люди, где-то солнце поднималось всё выше, обещая долгий, теплый день... А здесь, у старой обшарпанной стены из самана, у журчащей воды, был только он и я...

— Тебе пора возвращаться в Москву? — спросила я, чувствуя, как внутри что-то сжимается от одной мысли об этом. Девочки сказали... ты только приехал...

— Завтра, — ответил он буднично. — Отец велел. Дела.

— Ясно, — кивнула я, пряча взгляд.

Глупый разговор, не клеящийся...

— А что, Дагмара? Ты будешь скучать? — в его голосе снова появилась та насмешливая нотка, от которой внутри всё переворачивалось.

Я молчала. Только глаза подняла в ответ.

Он смотрел долго. Очень долго. Так, что мне захотелось провалиться сквозь землю. А потом улыбнулся — не насмешливо, а как-то по-новому, почти нежно.

— Мы ещё встретимся, Дагмара, — сказал он тихо, но так, что я поняла — это не вопрос и не предположение. Это приговор. — Обязательно встретимся...

Он развернулся и ушёл, не прощаясь. Не оглянулся. Рас-

творился в толпе, в пестроте праздника, в шуме и гаме, оставив меня одну у школы с бешено колотящимся сердцем и странным чувством, что только что случилось что-то непоправимое...

Я стояла долго. Смотрела на воду, на камни, на своё отражение, искажённое рябью. Надо идти домой, к бабушке. Всё рассказать ей про праздник, как только она усадит меня за стол, напоит чаем с хворостом, спросит, почему у меня такие глаза...

А я не смогу ответить. Потому что сама не знаю.

«Мы ещё встретимся».

Я поверила ему тогда. Поверила каждой клеткой, каждой каплей крови, каждой частичкой своей глупой, наивной молодой души.

Я не знала, что встреча эта случится уже завтра. Что в машине его отца я буду ехать в Москву, сжимая в руках маленькую сумку и бабушкин платок, мокрый от моих слёз. Что бабушка не станет, и мир рухнет в одну секунду. Что эти богатые дальние родственники Черчесовы заберут меня, потому что «так надо», потому что «не оставлять же девочку сиротой», потому что «стыдно перед людьми»...

Я не знала, что через сутки я войду в его дом. В дом Рената Черчесова. Что увижу его вновь так скоро...

Кто бы тогда сказал мне, глупой горной девочке в белом платье, что ждёт меня впереди...

Что красный цвет его черкески — это цвет моей крови, которую он будет выкачивать из моей израненной души по капле, не замечая...

Что его улыбка — это смертельная ловушка.

Что его слова — это сладкий яд...

Что я полюблю его так, как умеют любить только те, кому терять уже нечего.

Кто бы сказал мне тогда...

Но горы молчали. Родник журчал. А бабушка уже не дышала в своём старом доме, успев подарить мне последнее утро счастья перед долгой, долгой ночью...

Глава 5

Дом Черчесовых предстал именно таким, каким я себе его и представляла... Какими только и должны быть богатых людей. Очень-очень богатых... Огромный, холодный, пахнущий деревом и воском, он высился на склоне, а у них в собственности было несколько гектаров земли в Николиной Горе, как я потом узнаю, одном из самых престижных загородных поселков Подмосковья, словно средневековый замок, построенный современными архитекторами. Три этажа, камень, стекло, балконы с резными перилами, башня с флюгером в виде волка — тотема рода Черчесовых. Даже вдали от родной республики Сулейман Рашидович, глава этого дома, хотел сохранить свои корни, гордился ими...

Теперь я стояла на пороге. С сумкой в одной руке и бабушкиным платком, скомканным в другой.

— Проходи, — женщина в строгом сером платье, открывшая дверь и принявшая меня с порога, смотрела на меня без интереса, как на вещь, которую нужно принять и разместить. — Я Зарема, экономка. Твои вещи потом разберешь. Сначала покажу комнату и как тут у нас всё устроено.

Вещи... У меня не было вещей. Была старая сумка с двумя

сменами белья, бабушкиной шалью, её молитвенным ковриком и потрепанной книгой стихов, которую она читала мне перед сном. Это были стихи Эфенди Капиева. Нашего национального поэта. Любовь к его лирике передалась от бабушки и мне...

Я перешагнула порог. Внутри было ещё холоднее, чем снаружи, хотя на улице уже припекало весеннее солнце. Или это мне было холодно от всего, что случилось...

Похороны были вчера. Быстрые, как того требует обычай, многолюдные, чужие. Бабушку хоронили почти всем аулом — её любили, уважали, приходили прощаться. А потом ко мне подошёл Сулейман Черчесов — огромный, с подернутыми сединой висками, с лицом, высеченным из горной породы, и глазами, в которых невозможно было прочесть ничего. Он был похож на своего сына Рената. Той же породы, словно бы отлитый из стали. Такой же статный. И очень пугающий своей важностью...

— Ты поедешь с нами, девочка, — сказал он. Не спросил. Не предложил. Просто поставил перед фактом. — Мы формально твои родственники. Дальние, но по крови. Не оставлять же тебя одну. Бабушка твоя была достойной женщиной, не посрамим её память. И перед твоим отцом я в долгу. Он был моим телохранителем. Из тех, на которых всегда можно

было положиться, потому что в нас текла одна кровь.

— Куда поеду? — сначала даже не поверила, что осмелилась задать ему вопрос, посмотреть на него...

— В Москву, — пожал он плечами. Так обыденно, так буднично... Словно бы ещё сутки назад эта самая Москва не казалась дальше Луны, что в наших горах была так близко, что казалось, можно протянуть руку и сорвать её с неба...

— В городе будешь жить, эти несколько месяцев доучишься в школе, а потом поступишь в институт, туда, где моя дочь учится. Она всего на год старше, Карина. Подружитесь...

Внутри клокотал шок и паника. Институт?! В Москве?! Я о таком даже помыслить не могла! Внутри было столько страха, что он даже горе моё перебивал.

Я не посмела отказать. Кто я такая, чтобы перечить старшему, главе тухума, человеку, на которого весь аул молится? Да и куда мне было идти? Дом бабушки... он уже не был моим. Его заберут другие родственники, которым он нужнее.

И вот я здесь...

Зарема вела меня по длинному коридору с высокими потолками. Пол был выложен темным камнем, стены увешаны картинами в тяжелых рамах — горы, аулы, старики в папахах... И снова отсылка к родине... Чужие лица, чужая жизнь. Мои шаги тонули в толстом ворсе ковров, и от этого беззвучия становилось ещё страшнее...

— Твоя комната на третьем этаже, — бросила экономка через плечо. — Рядом с комнатами для прислуги, но отдельная. Госпожа Карина настояла, чтобы ты не путалась под ногами у семьи...

Карина... Внутри что-то царапнуло. А вот и первая весточка... А Сулейман Рашидович решил, что мы подружимся. Смешно... Такие, как она, городские и богатые, разве с такими, как я, дружат?!

Мы поднялись на лифте — я никогда раньше не ездила на лифте, и меня чуть не вывернуло от резкого движения вверх. Зарема открыла дверь в конце узкого коридора.

Комната оказалась маленькой, но чистой и даже уютной... Узкая кровать, застеленная бельем, платяной шкаф, письменный стол у окна, выходящего на задний двор и лес. Ничего лишнего. А ещё была своя крошечная ванная, и это показалось мне чудом. У нас уборная была на улице. Над об-

рывом, а купались мы на кухне, ставя посреди помещения большой чан и доливая туда заранее нагретую на огне в ведре воду... У бабушки не было денег на котел.

— Ужин в семь на общей кухне для персонала, — отчеканила Зарема. — Господа едят отдельно. Ты будешь есть с нами. Так тоже госпожа Карина распорядилась. Вопросы?

— У... Сулеймана Рашидовича есть жена? — я спросила не из праздного любопытства. Просто по нашим традициям было странно, что именно дочь тут словно бы хозяйка.

Зарема окатила меня презрительным взглядом.

— Девочка, сплетни и пересуды в этом доме не любят. На твой вопрос отвечу в первый и последний раз. Резеда Султановна умерла десять лет назад. Больше порог этого дома другая женщина не переступала. У Сулеймана Рашидовича три сына — Ренат, Гамзат и Махач. И младшая дочь, Карина. Она тут, разумеется, в роли хозяйки, пока замуж не вышла...

— Спасибо, я поняла...

— Хорошо, — она сухо кивнула. — Располагайся. Завтра отведу тебя в школу, договорилась уже. Форму потом купим.

Уже на выходе она развернулась ко мне.

— Дагмара, послушай. Я вижу, ты девушка хорошая и неиспорченная. Жизни городской не знаешь. Я сама когда-то такая была. И хорошо, что ты тут, среди нас. Не надо тебе к ним, — на последних словах голос её сел. — Мой тебе совет. Ты уши не развешивай и сама ничего лишнего не спрашивай. А вот в глаза смотри в оба и... Если что, включай голову. У тебя кроме головы никакой защиты не будет в этом доме... А для девушки тут опасностей может быть много... Держись подальше от детей Черчесова... Особенно от Карины и Рената, Дагмара.

Когда услышала имя Рената, вздрогнула... Он же тут! В Москве! Мы будем жить под одной крышей?! Аллах, я только сейчас это осознала...

Зарема ушла. Внутри всё пульсировало от шока и неверия.

Эмоции захлестывали, нужно было остаться одной...

Сначала просто стояла посреди комнаты, боясь пошевелиться, боясь дышать, бояться осознать, где я и что со мной... Потом медленно опустила сумку на пол, подошла к окну и уткнулась лбом в холодное стекло.

Снег... Уже умирающий, покрытый ледянистым настом, голые стволы деревьев, вороны на ветках... Совсем другой пейзаж. Не тот, что у нас в горах...

Горло сковали тиски. Грудь — невырвавшиеся рыдания.

Тоска... Она нахлынула не сразу, а исподволь, как горная река в половодье — сначала тихо журчит где-то внизу, а потом раз — и сносит всё на своём пути.

Я зажмурилась и увидела бабушкин дом. Покосившееся крыльцо, на котором мы пили чай летними вечерами. Печку, которую она топила, когда замерзала, хотя дров было много и можно было не жалеть. Её руки — морщинистые, тёплые, пахнущие тестом и травами. Её голос, читающий молитву на ночь...

Глава 6

День тянулся бесконечно. Я разобрала сумку, разложила вещи в шкафу, заправила кровать так, как учила бабушка, — чтобы ни складочки. Потом села за стол и просто смотрела в окно, пока за окном не начало темнеть.

В семь спустилась на кухню. Зарема уже накрывала ужин для себя и для двух женщин, которые работали по дому — горничной и прачки. Они ели молча, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами, на меня поглядывали с любопытством, но не заговаривали. Я тоже молчала, ковыряя вилкой рис с овощами, который казался безвкусным пластиком после бабушкиной стряпни.

— Господа сегодня ужинают поздно, — обронила Зарема. — Сулейман Рашидович с Ренатом злые вернулись с переговоров.

Сердце пропустило удар.

Ренат...

Я думала о нём весь день, прогоняя мысли, как назойливых мух. Наверное, что-то дрогнуло в моём лице, потому что

прачка, тётя Зулейха, вдруг спросила с лёгкой улыбкой:

— Ты же им родственница дальняя, да? Знакома с Ренатом, девочка?

— Нет, — быстро ответила я, опуская глаза. — То есть... видела на празднике. Издалека...

— Ренат красавец, да? — хмыкнула горничная, молоденькая Мадина. — Все наши девушки по нему сохнут. И по Гамзату, и по Махачу. Трое сыновей, и все как на подбор. Но Ренат — старший, самый видный. И самый опасный. Когда он смотрит, голову теряешь...

— Мадина! — прикрикнула Зарема. — Язык без костей? Не твоего ума дело, какие они! Меньше поглядывай, так целее останешься! Не знаешь, что было до твоего прихода?

— А что было? — с языка сорвалось раньше, чем я подумала.

Все разом замолчали и начали собирать со стола.

Я доела рис, поблагодарила и поднялась к себе.

Ночью не могла уснуть...

Ворочалась на узкой кровати, слушая непривычную тишину. В бабушкином доме всегда было шумно — скрипели половицы, шуршали мыши, ветер гулял по чердаку, река шумела внизу. Как говорила ба, дом говорил... Здесь было тихо. Мертвецки тихо. Только где-то далеко гудел кондиционер.

Тоска опять сдавила горло.

Я села на кровати, обхватив колени руками, и заплакала. Впервые с того момента, как увидела бабушку холодной и неподвижной. Плакала беззвучно, в подушку, чтобы никто не услышал, но слёзы текли и текли, и остановить их было невозможно...

— Ба... — шептала я в темноту. — Бабулечка... Апа... Зачем ты меня оставила? Как я теперь одна? Как мне жить здесь, среди чужих людей, в этом холоде?

Ответа не было. Только тишина, густая и тяжёлая, как образ этого чужого города.

Не знаю, сколько я проплакала. Может, час. Может, два. Но в какой-то момент слёзы иссякли. Я вытерла лицо подушкой, шмыгнула носом и вдруг вспомнила.

Телефон...

Тот самый айфон, который Ренат сунул мне в руки у родника. Я спрятала его на дне сумки, завернув в бабушкину шаль. Не решалась включить, не решалась даже смотреть на него. Слишком чужой, слишком дорогой... Я вообще о нём забыла...

Не знаю, зачем... Но я встала, нащупала сумку в темноте, достала его. Руки дрожали, когда я вставила зарядник в розетку и экран загорелся.

Я сидела на кровати, вертела телефон в руках, боясь нажать что-то не то. Потом вдруг экран моргнул, и пришло сообщение.

Номер не определён. Текст высветился на заблокированном экране.

— Спишь, малинка?

Я замерла. Сердце сначала остановилось, а потом забилось где-то в горле, бешено, испуганно, радостно.

Малинка.

Меня никто никогда так не называл...

Это он... Ренат... Тот самый. Самый опасный из братьев...

А это... Это слово обожгло. Словно он коснулся меня губами через экран.

Я смотрела на сообщение, не в силах пошевелиться. А через минуту пришло второе:

— Не спишь... Вижу, что прочитала...

Я поднесла телефон к груди, словно пытаясь спрятать его, защититься от этого голоса, звучащего в голове. Пальцы дрожали, когда я разблокировала экран и открыла сообщение.

Написать в ответ? Не написать? Что я могу ему сказать? Где он? Уже знает, что я здесь?

Телефон снова завибрировал.

— Не бойся. Я знаю, что ты в моём доме. И знаю, что случилось. Соболезную, Дагмара.

От этих простых слов слёзы снова навернулись на глаза. Соболезную. Никто из Черчесовых не сказал мне этого лич-

но. Отец просто констатировал факт. Карину я даже не видела, хотя она всё это время была дома. А он написал...

Я всё-таки набрала ответ. Дрожащими пальцами, по буквам:

— Спасибо...

Отправила и замерла. Глупо. Какое глупое сообщение. Надо было что-то другое, более...

Телефон ожил снова.

— Почему не спишь? Плакала?

Я закусила губу. Откуда он знает? Он видит меня? В комнате есть камеры? Я испуганно огляделась, но в темноте ничего не разглядела.

— Не ищи камеры. Их нет. Просто догадался. Ты в новом месте, одна, без бабушки. Конечно, плачешь... Разделяю твою боль, малинка. Когда мама умерла, мне было восемнадцать. Больно было неимоверно...

Я молчала, кусая губы и глотая солёные слёзы.

— Всё пройдет, малинка... И это тоже пройдет...

Малинка. Опять. Почему он так меня называет?

Я набрала: «Почему малинка?»

И замерла в ожидании. Ответ пришёл быстро.

— А ты не знаешь? — и улыбочка. — На празднике, когда ты стояла под орехом, у тебя губы были красные. Как малина. Когда подошёл к тебе, от тебя ягодами пахло. Я тогда подумал: спелая ягода. Моя...

Последнее слово ударило под дых.

Моя.

Он сказал «моя».

Я отложила телефон, прижала ладони к пылающим щекам. Сердце колотилось так, что, наверное, было слышно в коридоре. Что это значит? Шутит? Играет? Я для него кто? Очередная девушка из аула, с которой можно позабавиться?

Но в его словах не было насмешки. Не было той снисходительности, с которой он говорил со стариками на площа-

ди. Было что-то другое. Собственническое. Горячее... И там, в селе, он не смотрел, как на деревенскую лохушку... Я каким-то образом, совершенно обычная девушка, волновала его...

Телефон снова завибрировал.

— Не пугайся. Я могу быть несдержанным, но это только потому что ты меня выводишь из равновесия. Ложись спать. Завтра трудный день. Первый в новом доме. Дел с отцом сейчас море, но завтра обязательно увидимся.

Я смотрела на экран сквозь пелену непрошенных слёз. Ещё даже не успела что-то ответить, как пришло следующее сообщение.

— Спокойной ночи, малинка. Я рядом...

Я рядом.

Он был в этом доме. Где-то здесь, этажом ниже, в одной из этих огромных комнат, и писал мне. Ренат Черчесов, старший сын, московский принц, писал мне, бедной сироте из аула... И говорил, что я его вывожу из равновесия...

Я долго сидела, прижимая телефон к груди. Снова и снова

перечитывая сообщения... Потом набрала ответ:

— Спокойной ночи.

И добавила то, на что не имела права:

— Ренат.

Отправила и выключила телефон, боясь прочесть его ответ. Сунула под подушку, легла, закрыла глаза.

В комнате было темно и тихо. Но впервые за этот бесконечный день мне показалось, что тишина не давит, а обнимает.

«Я рядом», — прошептала я в темноту его словами. — «Я рядом...»

И сама не поняла, кому это говорю — ему или себе.

За тонкой стеной, в комнате для прислуги, скрипнула кровать. Кто-то вздохнул во сне. А я лежала, глядя в потолок, и ещё не знала, что в ту самую первую ночь в доме Черчесовых, его «Малинка» останется со мной навсегда.

Что он будет называть меня так в страсти — хрипло, соб-

ственнически, вбивая это имя в моё тело вместе с поцелуями и яростными толчками, о которых моё девичье девственное тело тогда даже не смело предположить. Будет называть в озорной радости, всего на мгновение становясь таким же беззаботным и весёлым, как в тот день на празднике, когда мы танцевали в первый раз... В гневе — выплёвывая «малинка» мне, как проклятие, когда я буду доводить его до бешенства и рушить его мир. Будет называть в ненависти — когда между нами встанет то, что невозможно простить, и будут только руины наших душ...

Но как бы ни сложилась наша история, кем бы мы ни стали друг другу — любовниками, врагами, чужими людьми, — для него я навсегда останусь Малинкой.

Ягодой, выросшей в горах, которую он сорвёт, даже не спросив разрешения.

Глава 7

Ренат

Я сразу её заметил. Как глянцевая картинка на черно-белом фоне... Породистая, влекущая... Совсем не такая, как местные девицы... Не было в ней горской грубости черт и движений, вызванных суровыми условиями жизни, которые неизбежно заслоняли красоту... И как ей шло это скромное народное платье... Эта талия в обруче серебряного пояса. Хотелось накрыть его пальцами поверх. И я был уверен, что она была так тонка в кости, что с лёгкостью бы я обхватил и сжал...

А сжать хотелось... Эти аппетитно обтянутые бархатом груди. Уверенная двоечка... Стоячая... Не думаю, что в этом захолустье знали про навороченные модели «Виктории Сикрет», которые из любых кокер-спаниелей делали бы шикарную грудь. И соски... Уверен, её соски были в цвет этих пухлых губок... Она намазала их малиной... Зря... Она сама как малина...

Я хотел сожрать эту дикую горянку... Так хотел, что член сразу колом встал.

— Кто это? — голос даже для самого себя прозвучал сипло. Пи...ц... Ренат, это ты? Что за спермоармагеддон... Вроде бабы всего пару дней не было...

Гамзат через плечо бросил взгляд на красотку. Прыснул.

— В смысле? На местных девок заглядываешься? Папа тебе башку открутит, Ренат. Ты что? Это тебе не московских чикс щипать. Тут всё целками замуж должны выходить...

— Спасибо за науку, братец, — осёк я среднего. У меня с ним всегда были контры. В стиле лав-хейт... — А то я ж не знал. Туповатый. Вопрос только повторю. Это кто?

— Дагмара, — сказал один из троюродных, местных. — Сирота. С бабкой живёт. Это дочка Абдуллы Салимова, телохранителя твоего отца. Был такой, если знаешь...

— Из нашего тухума?

— Из нашего, брат... Ты её не трогай. Хорошая девочка. И очень нравится Асланбеку Раисова. Сыну главы района. Он её сватать придёт. Хорошая партия для сироты и бесприданницы...

Я усмехнулся, видя в этот момент, как петух распушил перед красавицей свой хвост и крутит жопой.

— Завидная партия? Это тот, что на чёрной приоре с посадкой ездит? С газовым баллоном в багажнике?

По моему тону было понятно, что я думаю об этой «выгодной» партии... В чём выгода? Подарит ей золотые серёжки и отправит лепить вместе с ним саман из соломы и кизяка для их будущего дома? Это глава района жил на подачки моего отца...

— По себе не суди, Ренат, — устыдил меня местный родственник. — Это вы там в Москве деньгами сорите. А Асланбек для неё хороший вариант. За него бы в селе любая по-

шла. А он на Дагмаре хочет жениться. Хотя что она с собой принесёт в его дом? Пару платков и три пары трусов?

Когда он про её трусы сказал, член снова дернулся.

Она повернулась на этого недопавлина. Лицо изменилось. Из растерянного стало испуганно-напряжённым и антипатичным.

— Не нравится ей этот ваш завидный жених...

— А кто её спросит? Школу закончит через пару месяцев, сваты к бабке её уже придут... Аслан попросил мать в город съездить на золотой рынок, кольцо ей купить...

Я усмехнулся. Зло пробирало. И какая-то необоснованная досада. Что-то долго я на неё смотрю. Дольше, чем заслуживает среднестатистическая девка. Особенно та, с которой только пофлиртовать, а не в постель.

— Такая, как эта Дагмара, в городе бы могла найти того, кто ей этот ваш золотой рынок скупит за раз.

— Она не кахба, — снова осёк меня родственник. Уже грубо.

— Рен, оставь, да? — миротворчески вмешался Гамзат. Он в нашей семье был самым продуманным и рациональным. Жаль, что не старший брат. Отец вечно возлагал всё самое великое и тяжёлое на меня... Ну, а как ещё? На Махача рассчитывать не приходилось. Отшибленный. А вот Гамзат — пай-мальчик... Он бы справился на отлично. — Пойдём кутум поедим лучше. Там из Койсу принесли. Лучшая... Такую только тут вялят...

— Не хочу, — усмехнулся я.

Заиграли барабаны. Лезгинка. Любил лезгинку. Наверное, это в крови.

Пойду потанцую. Интересно, заметит ли меня эта горянка...

Заметила...

Я чувствовал её робкий взгляд, пока танцевал с какой-то тряпкой, лица которой даже не запомнил. А вот её глазки, которые вопреки скромности и воли то и дело возвращались ко мне, ощущал так, словно бы она меня трогала... А я хотел, чтобы она трогала...

Надо же. Впервые такое. Я захотел эту женщину с первого взгляда. Сильно захотел... Странное чувство. Какое-то... более глубокое что ли... Не такое желание, как обычно испытываю.

Когда мы закончили танец, я прямиком направился к ней. Этот петух так и не отходил... А мне так сильно захотелось подергать его перья, что даже кулаки сжал...

— Она мне танец обещала...

Бля... Этот её взгляд в тот момент.

Черт, она как прострелила меня...

Насквозь.

Бывают же такие глаза...

В крови какая-то странная смесь бурлила. Вспомнил, как мои предки хватали женщин, которые понравились, в бурки. Как увозили и делали своими...

Потому что это в инстинктах. Невозможно этому противостоять. Может быть, реально что-то есть в нашей крови — в её и моей — в самке и самце одного древнего народа, что вот так зовёт... Как барабан бьющий зовёт...

— Ренат, ау?! — услышал голос Карины, возвращаясь в настоящее. Мы за столом в столовой. Вся семейка в сборе... Очередной пресный ужин... — Ты в каких облаках витаешь? Я к тебе обращаюсь, ты в курсе был, что у этого твоего другана Тимура баба была?! Русская! А он клинья к Алие подбивал?

— Вот удивила, сестренка, — ядовито отбрил Карину. — Назови мне парня, у которого её не было. У Тимура всё серьёзно к Алии. Он свататься придёт.

Сеструха прям в лице изменилась. Я усмехнулся.

Вредная и завистливая. Особенно к красотке Алии Гаджиевой. Они с детства были заклятыми подружками. Мы соседи, так ещё и в институте теперь одном учимся...

— Я скажу ей завтра на парах. А что?! Пусть знает! Моё дело предупредить! Как раз у наших академгрупп завтра общая лекция по экономтеории...

— Ты лучше не сплетнями занимайся, а учись прилежнее, — вмешался в наш пустой разговор наконец отец, восседающий в центре. — Мне звонил проректор. Сказал, ты часто с дурами какими-то вместо лекций слоняешься праздно по универу. Узнаю ещё хоть про один прогул, Карина, сама будешь сессию закрывать, без моих звонков. И денег тебя тоже

лишу. Никаких Столешниковых...

— Па! Ну я пропускаю только то, что тупое!

— Нет там ничего тупого кроме тебя самой, — усмехнулся Гамзат. Хоть в одном мы сходились с рациональным братцем... Сестра у нас была прям вот очень противная... — Тупица, отец сказал тебе, что непонятного?

— Кстати, — продолжал царственно Сулейман. — Я с проректором обсудил ещё и поступление Дагмары. Она с сентября пойдёт учиться. А пока параллельно со школой подходит в институт на подкурсы. Чтобы адаптироваться и влиться в ритм. Ей будет полезно... Она совсем дикая...

— Па, — Карина демонстративно, для пущего драматизма, выронила из рук вилку. — Ты сейчас серьёзно? Эта деревенщина в МГИМО пойдёт? Ты как себе это представляешь?

— Прекрасно представляю, — сказал спокойно отец. — Потому что у неё будет помощница и подружка... Ты, Карина. Подстрахуешь её. Если что, поможешь адаптироваться...

— Па... — ещё более загробным голосом произнесла Карина.

Гамзат усмехнулся.

— В школе у неё пока форма, но для подкурсов нужна нормальная одежда. Свози её завтра после пар в магазин. Прикупите чего-нибудь. Скромного, но со вкусом. Я за неё в ответе. Не хочу, чтобы говорили, что Сулейман держит в чёрном теле свою воспитанницу... У неё с понедельника по

вечерам занятия начинаются у вас.

— Может, ты ещё ей мою комнату отдашь?! Или удочеришь её? — первые истеричные ноты в голосе Карины говорили о том, что нужно срочно эвакуироваться из-за стола. Она переходила к своему самому любимому оружию... Манипулированию отцом...

— Эта тема закрыта. Завтра после её уроков в школе заедешь за ней с водителем, поедете в магазин. И будь с ней приветлива... Девочке и так сложно в этом новом мире. Чужой дом...

— Об этом можешь не волноваться, — едко стрельнула в меня глазами Карина. — Твой старший сын оказывает ей необходимую психологическую помощь...

В столовой повисла гробовая тишина, помноженная ещё и на оброненную на пол хлебницу в руках аккурат в этот момент зашедшей в комнату Заремы.

— Что это означает, Ренат? — строго спросил отец, на слово веря дуре.

Я закатил глаза, вставая из-за стола.

— Сестра как всегда ядом плюётся. Ничего не означает. Вчера я домой приехал, она в саду гуляла. Обменялись парой фраз. Я видел её в горах накануне смерти её бабки. Мы танцевали вместе. Неприлично было бы пройти мимо. Я в город. У меня дела. Вернусь к утру...

Невозмутимо направился на выход, игнорируя взгляды в спину. Карина-стерва... Урыл бы!

— Ренат, перед тем как на свои гульки поедешь, ко мне в кабинет зайди. Кофе там попьём...

Спустя десять минут я сидел напротив отца, рассматривающего меня с подозрительностью, характерной для сыщиков в английских детективах.

— Ренат, ты подумал, что я тебе говорил про Малиху Гатилову? Это хорошая партия... И девочка красавица...

— Отец, оставь пока, да? — закатил глаза. — Я не хочу жениться. Займись Гамзатом. Он сделает всё, что ты прикажешь. Будь то Малиха, Салиха, Фатиха или психа...

— Всё юродствуешь, — цыкнул отец. — А зря... Гамзат — мой средний сын. А я говорю о тебе, Ренат. Ты мой наследник, моё продолжение... Отправь на неделе Малихе большой букет цветов. Или этим займусь я...

— Занимайся...

— Что это ты крутишься вокруг Дагмары? — ну, конечно... Как же ему не спросить... — Ренат... если узнаю...

— Отец, выдохни уже... Всё нормально...

— Нормально? Это не одна из твоих баб, Ренат! Не эскортница, не светская львица, не легкомысленная деваха и даже не горничная, которых ты так любишь... щупать... Её оставь! Она дочь человека, перед которым я в долгу.

— Я знаю, отец, — стрельнул на него злобно глазами. — Всё я знаю...

На моих последних словах он словно бы встрепенулся.

Встал. Подошёл в упор.

— Если знаешь, то покажи себя адекватным, взрослым мужчиной, умеющим держать и руки, и член там, где они должны быть у достойного человека...

Выходил из кабинета отца я, сильно хлопнув дверью... Уезжал тоже с пробуксовкой... И могу матерью поклясться, она стояла у окна и смотрела, как я выезжал. Её взгляд я каким-то странным образом чувствовал.. С первого дня... И так будет всегда. Я всегда буду чувствовать, как ты на меня смотришь, Малинка. Даже когда не захочешь, чтобы я знал, что ты смотришь...

Глава 8

Дагмара

Я даже не поняла сначала, что произошло. Просто дверь авто распахнулась, меня вытолкнули наружу, и я полетела на асфальт, едва успев выставить руки. Колени обожгло болью. Колготки порвала. В ушах стоял визгливый голос Карины...

— Вот твой уровень, деревенщина! Куда тебе в нормальные бутики! Разбирайся тут сама!

А потом взвизгнули шины, и чёрный автомобиль, который ещё минуту назад был моим единственным убежищем в этом безумном городе, рванул с места, обдав меня выхлопным газом.

Я поднялась на дрожащих ногах. Рядом со мной на асфальт упала пластиковая карта, которую она швырнула мне как подаяние...

Вокруг гудело, кричало, дышало бензином и шаурмой это чудовищное место. «Садовод». Я слышала про него краем уха. Огромный рынок, где торгуют всем на свете. Где люди ходят с огромными мешками, где китайские куртки висят на плечиках прямо под открытым небом... Место, где продают фальшь, чтобы вызвать фальшивые эмоции... Низкопробное место. Конечно, не уровня Карины, которая за весь путь от школы даже не взглянула на меня, лишь через губу буркнув «Привет»... Её молчаливый водитель, казалось,

был с ней в сговоре. Потому что иначе объяснить, как он так безоговорочно и бесстрашно оставил меня вышвырнутой посреди улицы, я не могла...

К горлу подступил ком. Такой огромный, что я задохнулась. Слёзы брызнули сами собой, и я не могла их остановить. Я стояла посреди этого хаоса, в своём простом школьном платье, с порванными колготками и чувствовала себя ничтожеством. Мусором. Кем-то, кого можно вот так выбросить из машины, как надоевшую игрушку...

Мне было страшно. Страшно до дрожи. МКАД гудел где-то рядом, огромные машины неслись мимо, люди толкались, говорили на непонятных языках... Я не знала, где остановка, как вызвать такси, в какую сторону идти. Я была одна. Совершенно одна в этом каменном мешке, который даже не городом казался, а какой-то огромной, равнодушной свалкой.

Всхлипывая, я достала телефон. Пальцы тряслись так, что я едва попала в экран. Листала контакты. Карина? Смешно. Сулейман Рашидович? Не могу... Не имею права жаловаться, я и так в долгу перед ним. Зарема? Она добрая, но что она сделает?

Остался только один номер. Ренат...

Сердце заколотилось так, что я боялась, что вот-вот выскочит...

Я нажала вызов, зажмурившись. Гудок. Второй. Третий. Сейчас сбросит. Сейчас пошлёт меня так же, как его сестра...

— Дагмара? — его голос в трубке прозвучал так неожи-

данно, так... по-человечески, что я разрыдалась ещё сильнее. Но пока не в голос. Пока это были бесшумные рыдания, которые вот-вот вырвутся наружу, как только я скажу первую букву...

— Ренат... — прошептала я, давясь слезами. — Прости, пожалуйста... Я не знаю, кому ещё позвонить... Я не знаю, что делать...

— Что случилось? Ты где? Говори спокойно.

— Карина... она привезла меня на Садовод... И уехала. Бросила меня здесь. Я не знаю, как уехать, тут МКАД, я запуталась... Мне страшно...

В трубке повисла тишина. Такая тяжёлая, что я подумала — он бросил трубку. Но потом услышала его дыхание. Ровное, но какое-то... злое.

— Стой там. Никуда не уходи. Я приеду. Скинь геолокацию. Слышишь меня, малинка? Стой и жди. Пятнадцать минут. Я недалеко от МКАДА. Пробок нет.

Он приехал. Очень быстро. Я даже не успела замёрзнуть до конца, хотя ветер продувал насквозь. Его чёрный автомобиль затормозил рядом со мной, и он вышел. Весь такой... чужой здесь. Дорогой, чистый, пахнущий кожей и хорошим парфюмом. На фоне этих ларьков с носками и дешёвыми пуховиками он смотрелся как инопланетянин...

— Жива? — спросил он, окидывая меня взглядом. Увидел порванные колготки, и в глазах вспыхнуло что-то такое... от чего мне стало не по себе. — Стерва, — процедил он

сквозь зубы. — Садись.

Я послушно села в машину. Внутри было тепло, пахло им. Я вдруг почувствовала себя в безопасности. Опасной безопасности... Той, к которой можно слишком быстро привыкнуть... Одернула себя... И снова разревелась, уже от облегчения. Но украдкой. Вытирала слёзы сразу, стоило им только проступить на глазах. Ренат сел за руль, повернулся ко мне...

— Ну, хватит. Она ещё за это поплатится... — сказал он неожиданно мягко. Пальцем смахнул слезу с моей щеки. Я дернулась, но он уже убрал руку. — Поехали...

— Куда?

— В магазин. Не на этот... притон. Тебе же нужно одежду в универ? Сейчас всё организуем, малинка! Быстро давай меняй своё настроение на боевое!

Я хотела сказать, что не надо, что я сама как-нибудь... Но он уже вёл машину, и спорить было бесполезно.

— Ты какую музыку любишь?

Я пожала плечами.

Какую я любила? Да какая благозвучно ложилась на уши.

Он улыбнулся снова. Боже, если бы за улыбку раздавали бы деньги, он мог бы родиться в самой бедной семье. Его улыбка топила все сердца...

— Послушай вот это. Ориентал дип хаус. Блэк кофи. Вся Москва от него тащится. Тебе же в МГИМО учиться. Там такие темы секут...

— А ты тоже там учился?

— Мы все. Куда ещё дорога золотой кавказской молодежи? — скептически, по приколу сказал он.

— Я думаю, мне туда не надо. Не впишусь...

Выруливая, Ренат бросил на меня короткий взгляд.

— В МГИМО любят красивых ярких девушек, Дагмара. А ты именно такая. Но не стоит вестись на соблазны. Сосредоточься на учёбе. Институт даст тебе по максимуму, если сама возьмёшь. Дура Карина это не понимает. А вот мы с братьями хорошо учились. Потому что это только ей отец всё прощает, а с нас бы был спрос... И правильно, что был бы... Легко потерять, когда уже имеешь. А вот если получил с усилием, будешь дорожить...

Мы приехали в место, которое я даже магазином побоялась назвать. Это был просто храм. С прохладным кондиционированным воздухом, приглушённым светом, вежливыми девушками на ресепшене, которые смотрели на Рената с таким почтением, будто он был шахом.

— Ренат Сулейманович, здравствуйте! — вспорхнула к нему одна из них, высокая, красивая, в идеально сидящем костюме. — Давно Вас не было! Что-то конкретное или позволите нам подобрать?

— Подберите для девушки, — кивнул он на меня. — На каждый день. Для института. Скромно, но со вкусом. И... — он посмотрел на меня. — Что-нибудь для души.

Девушка понимающе улыбнулась и повела меня в примерочную. Мне стало приятно, что высокомерия не было. Я

почему-то ждала чего-то в стиле фильма «Красотка»... Но ничего такого не было.

И всё равно я чувствовала себя самозванкой. Мне приносили вещи, одну за другой. Брюки, которые сидели как влитые. Джемперы из мягчайшего кашемира. Рубашки, которые пахли... дорого. Я смотрела на ценники и хотела провалиться сквозь землю. Одна блузка стоила как бабушкина пенсия за полгода.

— Вы очень красивая... Вам всё подходит... — приговаривала продавец-консультант...

Но мне было не до её комплиментов...

Потому что Ренат в приказном порядке затребовал, чтобы я показывала каждый свой наряд... Когда выходила из примерочной, а он сидел в специальной зоне, попивая кофе, смотрел. Оценивающе, внимательно... Иногда кивал, иногда чуть заметно морщился, предлагал подобрать что-то более по возрасту, не старушачье.

Ужаснее всего было то, что мне нравилось, когда ему нравится... Это удивительное ощущение — когда мужчина, важный, крутой, интересный, хотя бы на мгновение теряет точку опоры, зависая на женщине.. Вот это одно мгновение — её едва уловимая власть над ним — стоило многого... Теперь я понимала, для чего женщины уделяли так много времени своему внешнему виду в фильмах...

Я сама не заметила, как включилась в игру. Эта юбка села плохо — заметила сразу. А вот этот свитер крупной вязки

лёг на груди идеально. Этот цвет делал глаза ярче. К этому пиджаку нужны были другие брюки.

— Покружись, Дагмара, — улыбался он.

И типа шутка. И... не шутка вовсе. В его потемневших глазах не было шутки... И в напрягшихся челюстях. Голова моя плыла...

Я смущалась. Жутко. Но выходила и кружилась.

Мы отобрали несколько комплектов. Я чувствовала себя почти счастливой. Почти уверенной. Почти своей в этом мире.

А потом Ренат подошёл к стойке, где висело что-то невероятное, и снял вешалку. Протянул мне.

— Примерь.

Я замерла. Это было платье. Красивое. До неприличия красивое. Длинное, струящееся, из тяжёлой ткани, которая переливалась и мерцала, будто в неё вплели тысячи крошечных звёзд. Оно было открытое. Смелое. Такое носят только шикарные женщины на шикарных мероприятиях.

— Мне такое не нужно... — выдохнула я. — Я такое не надену никуда и никогда.

— Никогда не говори никогда, малинка, — сказал он тихо и в этот момент смотрел мне в глаза так глубоко, что голова кружилась...

И я пошла примерять.

В примерочной я смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Платье облегало фигуру, подчёркивало талию, открыва-

ло плечи... Я вдруг увидела в отражении не ту Дагмару, что пасла гусей в горах. Я увидела женщину. Красивую женщину... Опасно красивую...

«Ты опасная девочка, Дагмара. Ты это знаешь?» — в память врезались его слова...

Волнуясь так, что сердце колотилось где-то в горле, я вышла.

Ренат стоял ко мне спиной, разговаривал по телефону. Услышал шаги, обернулся... и замолчал на полуслове. Телефон медленно опустил. Смотрел. Долго. Так, что жар прилил к щекам и пополз вниз по шее, заливая грудь.

Я застеснялась ещё больше. Обхватила себя руками, пытаясь прикрыться.

— Не надо, — сказал он хрипло. — Не прячь. Иди сюда.

Я сделала шаг, другой. Подошла. Он стоял так близко, что я чувствовала жар его тела. Смотрел сверху вниз, и в глазах было что-то такое... от чего хотелось бежать и остаться одновременно.

— Красивая, — сказал он просто. — Оху...нно красивая...

Девушка-консультант тактично исчезла.

— Мы берём, — бросил он ей, не оборачиваясь.

Я не стала возражать. Просто потому, что быстрее хотела стянуть с себя эту красоту не по моим масштабам. Просто потому, что слишком была взволнованна и дальнейший спор мог вывести на ещё более неправильный путь нас обоих...

Мы вышли из магазина молча. Он нёс пакеты. Я шла ря-

дом, всё ещё чувствуя на себе его взгляд... В машине он молча завёл двигатель. Мы ехали в тишине, но эта тишина звенела в ушах громче любой музыки.

Я смотрела в окно, мелькали огни, дома, машины... Я уже начала узнавать повороты. Сейчас направо, потом мост, и скоро съезд на наш посёлок. Я почти успокоилась, почти пришла в себя...

И вдруг машина резко вильнула, завизжали тормоза. Ренат остановил её прямо у обочины, не доезжая до поворота. Я дернулась от неожиданности, хотела спросить, что случилось...

А он развернул меня за плечи и притянул к себе...

Это не был нежный или робкий поцелуй. Это было что-то жадное, требовательное, властное. Его губы смяли мои, рука сжала затылок, пальцы запутались в волосах. На секунду мир исчез. Остались только он, его запах, его вкус, его сила, от которой я забыла, как дышать...

Я замерла. Тело предательски откликнулось, но разум взорвался паникой.

Не правильно. Это не правильно.

Собрав остатки воли, я уперлась руками ему в грудь и оттолкнула. С силой, на которую не думала, что способна.

— Нет! — выдохнула я, глядя на него расширенными глазами.

Он смотрел тяжело, дыхание сбилось. Не пытался снова приблизиться, просто смотрел...

— Это не правильно, Ренат, — сказала я, и голос мой дрожал. — Никогда больше так не делай. Никогда больше не прикасайся ко мне!

Он молчал.

— Я не такая девушка, — продолжила я, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу. — Я не посрамлю честь ни рода, ни семьи. Ни своей, ни твоей, ни твоего отца, который приютил меня. Ты слышишь меня? Никогда! Если я дала тебе повод и как-то не так себя повела, прости! Это по незнанию! Я совершенно потерялась в этой вашей Москве! Всё для меня... ново, незнакомо!

Я отвернулась к окну, сжимая руки в кулаки, чтобы не разрыдаться. Ренат долго сидел неподвижно. Потом медленно выдохнул, включил поворотник и тихо тронулся с места...

Остаток пути мы проехали в полном молчании. Только у ворот дома он остановил машину и сказал в спину, когда я уже открывала дверь, чтобы выйти:

— Ты права, малинка. Это неправильно. Но это не значит, что я перестану тебя хотеть.

Господи... Как он мог такое сказать?! Зачем он это сказал, чтобы я теперь об этом думала?!!!

Я выскочила из машины и побежала в дом, не оборачиваясь. В ушах стучала кровь, на глазах выступили слёзы. И где-то глубоко внутри, в самой темноте души, против воли билась предательская мысль: «А что, если он прав? И никогда не значит — никогда?»

Глава 9

Ритм московской жизни напоминает сумасшествие.

Если встать и смотреть на него со стороны, голова начнёт кружиться... Но удивительным образом он и затягивает... Сам не замечаешь, как подстраиваешься под скорости и расстояния...

И каким-то удивительным образом за эти полтора месяца я подстроилась... На удивление, адаптация к новой школе и, что более важно, к подкурсам в институте не была сильно болезненной. Приняли меня нормально. Школа была без пафоса и понтов. Кроме меня там ещё были приезжие девочки, да и на излёте одиннадцатого класса никто не стремился быковать и буллить, строя против новенькой союзы, которые всё равно скоро распадутся. А вот в институте мне вообще на удивление понравилось.

Как-то сразу и глубоко отпечатались слова Рената о том, что МГИМО может дать по максимуму, если берёшь. Вот я и брала. Попыталась посмотреть на ситуацию с другого ракурса. Как бы ни было, не сложись моя судьба именно так, как сейчас, я бы ни за что не попала в такое место...

Занятия на подкурсах проходили вечерами, и я почти не видела понты студентов, о которых слагали легенды, так как вечернего отделения тут не было и в универ приходили такие же, как я. Это были разномастные ребята, из разных городов,

разных возрастов. Были состоятельные, были и вполне себе простые. И даже я на их фоне за счёт красивой одежды и того, что Сулейман Рашидович иногда посылал за мной своего водителя, а иногда меня подбрасывал водитель Карины, как бы её это ни бесило, казалась другим очень даже и не с низов...

После того инцидента она больше меня не задирала. Да, мы не дружили и соблюдали нейтралитет, но больше она меня не оскорбляла.

Более того, меня стали приглашать на семейные ужины в гостиную, когда домой приезжал Сулейман Рашидович. Возможно, он так распорядился, а может... Иногда мне казалось, что без Рената не обошлось... Ренат... Его я не видела уже месяц... Слышала краем уха от служанок, что он улетел в Эмираты по каким-то рабочим вопросам отца. А ещё позорно пыталась найти хоть какую-то информацию о нём в соцсетях. Пару раз даже получилось. Девочки на курсах обсуждали как-то поездку в Эмираты, делились впечатлениями о походе в модные клубы и рестораны. Вечером украдкой я загуглила эти названия в соцсетях, нашла их страницы и даже увидела, как мне показалось, Рената на паре кадров... Сердце больно защемило... Он был в компании красивых людей — девушек и мужчин, они веселились и жили лучшую свою жизнь в формате понимания таких, как Карина... Он мне больше не писал... Его телефон я заряжала исправно, но... больше ни одного сообщения. После того случая на обочине

после магазина он свёл к нулю наше соприкосновение, а потом и вовсе укатил в свой Дубай... И хорошо...

Всё это переживания были от шайтана. Что же реально было важно здесь и сейчас — это доступ к учёбе. Тут, признаться, я и правда открыла для себя целый мир... Английский, география, литература и русский язык. Я восхищалась подходами преподавателей и старалась изо всех сил. Сложнее всего дело обстояло с историей. Сложно мне было запоминать все эти даты и места. Да и преподавательница как-то пугала. Шикарная женщина, в свои пятьдесят выглядящая на тридцать, сосредоточенная и требовательная...

Если нас аттестовали тестами, у меня более-менее всё получалось, но вот если приходилось писать эссе...

Как-то после очередного моего провала она попросила задержаться...

Я уже думала, что Инга Львовна пройдётся по мне своим высокомерно-выдержанным тоном, как это делала уже пару раз в присутствии нас всех с другими студентами, но на удивление разговор пошёл в совсем другом русле...

— Дагмара, скажи, пожалуйста, что такое в твоём понимании история и зачем она нужна?

Я задумалась...

— Наверное, чтобы быть эрудированным и блистать знаниями дат...

— Пресно и плоско... Я разочарована... — выдохнула она. — Попробуй ещё. Включи мозг...

Она пару раз постучала своим наманикюренным ногтем по роговой поверхности брендового футляра от оптических очков. Я задумалась, изо всех сил напрягая мозг... Бабушка любила рассказывать историю наших краёв...

— Наверное, чтобы знать свои корни... И понимать их...

— Молодец, теплее, — улыбнулась она вдруг мне. Она вообще редко улыбалась. — История, Дагмара, это опыт... А опыт — это самая важная ценность любого человека. Личный опыт ценен в личных вопросах. В вопросах философских и государственных важен опыт коллективный.

Иногда эти понятия пересекаются, но суть остаётся единой — без опыта мы ничто. Единственное, что у нас не могут отобрать, — это опыт и воспоминания. И это говорит о том, что именно история — самое ценное знание, ибо история и есть опыт и воспоминания...

Я смотрела на эту удивительную женщину, ловила каждое её слово и даже не дышала, пока она говорила...

Девчонки поговаривали, что она жена какого-то нашего посла в арабской стране, что сама родом из дипломатической семьи с аристократичными корнями. Я понимала, что для меня она и есть воплощение настоящей женщины, которая умела себя нести и была уверенна в себе настолько, чтобы убедить в своей непогрешимости и других...

— Вот тебе домашнее задание, Дагмара. Подумай над тем историческим женским персонажем, который более всего отзывается в тебе.

Именно отзывается. Не то, что ты найдёшь на страницах истории и посчитаешь правильным с точки зрения социальных норм, а что будет близко тебе... Думай широко. Исторический контекст тоже широкий.

Давай, на этом всё. Твою тройку я не буду записывать в журнал. Мне кажется, что ты способна на большее. Я в тебя верю...

Я шла с пар, как оглушённая... Получить такую высокую похвалу от такой женщины? С чего? Почему я? У нас ведь были и другие вгрызающиеся в гранит науки студенты...

— Дагмарыч, ты что такая задумчивая? — налетела сзади Зинка, моя согруппница. Очень хорошая девочка из Твери. Мы сразу сдружились.

— Да так, просто задумалась.

— Что это Королевишна оставила тебя после пары? — назвала преподавателя по её кличке и уставилась с интересом. Зина поступала в МГИМО уже во второй раз. Первый провалила. И потому была крайне серьёзно настроена в этот раз ничего не упустить...

— Да так... Не выходит у меня пока мыслить категориями политика, — улыбнулась я, пока мы шли к автобусу. Сегодня машина Сулеймана Рашидовича ждала меня у Юго-Западной, прямо на входе в метро.

— Дагмар, я день рождения отмечаю в эту субботу! Хотела тебя позвать. Будешь ты и ещё Любка с Ксеней.

— Ой, классно! — в груди сердце аж затрепыхалось. Я

ещё никуда вот так в Москве не выходила... — А где?

— Дома у меня, на квартире съёмной! Ты отпросись у своих, с ночёвкой! Классно время проведём! В караоке попоём, фильмец посмотрим, Ксенька вкусняху приготовит... Что скажешь?

— Попробую, — задумалась я.

Ну, а что плохого? Я же не куда-то шляться иду... Я к подруге в гости.

У нас в республике тоже так ходили...

У метро меня и правда ждала машина. С самим Сулейманом Рашидовичем на борту.

Я как села в авто, сразу почувствовала его мощную энергетику.

— Как дела, Дагмара? Как учёба?

— Всё хорошо, спасибо.

— Как коллектив? Приняли тебя?

— Да, у нас очень хорошие девочки в группе. Мы сдружились...

— Это прекрасно. Я в тебе не сомневался. Твой отец тоже очень коммуникабельным был.

— Сулейман Рашидович, — не откладывая вопрос в долгий ящик, я решила сразу спросить. — Тут дело такое. Одна из девочек, Зинаида, она квартиру снимает возле университета. Позвала нас к себе на день рождения в субботу. На ночёвку... Можно? Пойти...

Голос дрожал. Почему-то показалось, что звучу я жалко...

Он посмотрел на меня. Строго и проницательно...

— Думаю, я не буду сейчас ни тебя, ни себя унижать предостережениями, Дагмара. Ты хорошая, правильная, чистая девушка без лишних движений... И я верю тебе. Верю, что ты реально пойдёшь на день рождения. Так что иди. Водитель тебя привезёт и отвезёт, когда будет нужно...

— Спасибо! — произнесла я совершенно искренне.

Потому что тогда реально думала, что всё будет именно так, как я говорю.

Потому что даже предположить не могла, что моим подружкам вдруг приспичит пойти в клуб, что они разрядят меня в один из Зинкиных нарядов по последней моде... И что как назло, я встречу в этом самом чертовом клубе только что вернувшегося из Дубая Рената...

Глава 10

Клуб назывался «Даймонд». И он действительно сверкал — золотом, хрусталём, полуголыми телами на танцполе и льдом в дорогих бокалах.

Я стояла у края зала, чувствовала, как сердце колотится в горле, перекрывая кислород. Бас долбил по перепонкам так, что, казалось, вибрируют кости... Воздух врезался в ноздри смесью парфюмов, пота и чего-то сладкого, тяжёлого, от чего кружилась голова. Потом я узнаю, что это был запах кальянов, которые тут курили мужчины, высокомерно оглядывая танцпол.

— Расслабься, красотка! — Зинка, уже изрядно навеселе, дернула меня за руку. — Ты лучшая здесь, честное слово!

— Я не знаю... — мой голос потонул в музыке. — Зря я с вами сюда пришла...

— Поздно! — Ксюха подтолкнула меня в спину. — Мы тебя два часа наряжали!

Два часа назад они с Зинкой синхронно закатили глаза и взвыли, узнав, что я никогда не была в клубе.

— Ты с Луны свалилась? — выпучила глаза Ксюха. — Ладно, сегодня будет твой дебют!

Меня переодели. Сняли мою скромную тёмную водолазку, которую я предусмотрительно надела, и втиснули в Зинкины джинсы — в обтяжку, сидящие на бёдрах так, что мне

казалось, они вот-вот треснут по швам. Сверху натянули такую же обтягивающую чёрную кофту с глухим воротом, которая облепила грудь, талию, каждый изгиб, делая меня откровенной до неприличия.

— Огонь! — выдохнула Ксюха, оглядывая результат. — С твоей фигурой это бомба!

Потом был макияж. Ксюха, учившаяся на визажиста, орудовала кистями как хирург. Когда я посмотрела в зеркало, я себя не узнала. Глаза, подведённые жирной чёрной стрелкой, стали огромными, хищными, кошачьими. Губы — ярко-алыми, влажными, припухшими. Бабушка сказала бы: «губы блудницы»...

— Шик! — подвела итог Зинка, вручая мне туфли на умопомрачительной шпильке. — Ты просто секс!

И вот я здесь. Стою, вцепившись в ремешок сумочки так, что побелели костяшки, и чувствую на себе взгляды. Много взглядов. Мужских. Липких. Раздевающих.

— Расслабься, — прошептала я себе под нос бабушкины слова. Но они не помогали. Зверь моей красоты, которого я так старательно прятала, вырвался наружу и теперь скалился на всех, кто смотрел.

— Пошли на танцпол! — Зинка потащила меня за собой, и я, споткнувшись на каблуках, поплелась за ней.

Музыка ударила в голову, заглушая мысли. Тело само начало двигаться в такт, но я чувствовала себя неловко, скованно. Словно все вокруг знают какую-то тайну, а я — нет.

Я опустила глаза, уставилась в пол, пытаясь сосредоточиться на движениях ног, чтобы не упасть...

И тут я почувствовала чужие руки. Наглые, собственнические ладони легли мне на бёдра. Сзади. Вплотную.

Меня словно кипятком ошпарило. Я дернулась, выворачиваясь из захвата, и резко обернулась, готовая закричать, ударить, бежать...

— Тихо-тихо, красотка, это ж я, — передо мной стоял парень. Молодой, улыбчивый, с чуть пьяными, масляными глазами. — Жора. Тоже на подкурсах учусь. В другой группе. Ты меня не помнишь, да? А я тебя в универе заметил. Ты красотка нереальная...

Я напряглась, пытаясь вспомнить. Кажется, мелькал где-то в коридоре.

— Потанцуем? — он сделал шаг вперёд, снова протягивая руки.

— Извини, нет, — мой голос прозвучал резче, чем я хотела. Страх и отвращение душили горло.

Я резко развернулась и нырнула в толпу, пробираясь к столику, где мы оставили сумки. Мне нужно было уйти. Срочно. Позвонить водителю, сказать, чтобы забрал... Да, я могла огрести от Сулеймана Рашидовича, но... это было бы честнее и безопаснее...

Но Жора, видимо, не привык к отказам. Или алкоголь ударил в голову. Он догнал меня в два шага, схватил за руку выше локтя, сжал до боли.

— Подожди, — его голос стал злым, обиженным. — Ты чего ломаешься? Я же по-нормальному... Сама же приперлась сюда, вырядилась... У меня вообще-то день рождения...

— Отпусти! — Я дернулась, но он держал крепко. — Отпусти, кому говорю!

Никто не обращал внимания. Вокруг гремела музыка, люди смеялись, пили, целовались. Нас просто не замечали... Девчонки тоже, как назло, рассеялись... Поддержки не было...

— Отпусти девушку.

Голос раздался сбоку. Тихий, но в нём было столько стали, что Жора вздрогнул и ослабил хватку. Я обернулась.

Он стоял в двух шагах. В тёмной рубашке с закатанными рукавами, открывающими сильные предплечья. Освещение клуба выхватывало резкие черты лица, скулы, хищный изгиб губ.

Ренат...

Глаза наши встретились, и мир вокруг исчез. Музыка стихла, люди растворились. Остался только он — и его взгляд. Взгляд, от которого у меня подкосились колени. Но в этом взгляде не было нежности. В нём была ярость. Глубокая, чёрная, пугающая ярость, от которой воздух вокруг, казалось, заледенел.

Он смотрел на руку Жоры, всё ещё сжимающую моё запястье.

— Руку убрал, — это даже не было просьбой. Это был

приказ, не терпящий возражений.

Жора, видимо, тоже почувствовал исходящую от Рената опасность. Он разжал пальцы и отступил на шаг, бормоча что-то невнятное.

Ренат шагнул ко мне. Схватил за локоть — там же, где только что держал Жора, — и рванул на себя. Я врезалась в его грудь, чувствуя жар его тела, его запах. Знакомый, дурманящий, от которого голова шла кругом.

— Пусти! — выдохнула я, упираясь руками в стальные мышцы. — Что ты творишь?!

— Я что творю? — его голос был низким, хриплым от гнева. — Это ты что творишь, Дагмара? — он обвёл взглядом мои обтягивающие джинсы, вызывающую кофту, яркий макияж. — Это такое у тебя поведение приличное? Это такое «никогда больше не прикасайся»? Нацепила шлюху...

— Замолчи! — я дернулась, пытаясь вырваться, но он держал мёртвой хваткой.

— Поехали, — отчеканил он, и это был не вопрос. Это был приговор.

— Никуда я с тобой не поеду! Отпусти!

Он не отпустил. В следующую секунду мир перевернулся. Ренат одним движением взвалил меня на плечо, как мешок с мукой. Голова закружилась, кровь прилила к лицу.

— Отпусти! Помогите! — закричала я, колотя его кулаками по спине. — Кто-нибудь! Помогите!

Он нёс меня через толпу к выходу. Люди расступались, но

никто — НИКТО — не вмешался. На нас смотрели с любопытством, с усмешками, с равнодушием. Кто-то даже засмеялся. Мужчины отводили глаза, женщины провожали взглядами, полными то ли зависти, то ли злорадства.

Мои крики тонули в грохоте музыки. Мои удары разбивались о его спину, как о каменную стену. Я была беспомощна. Полностью.

На улице, у выхода, стояла его машина — чёрный Гелендваген, монстр среди автомобилей. Он открыл дверь и буквально швырнул меня внутрь, на заднее сиденье. Я попыталась выскочить, но он навис надо мной, загораживая проход.

— Сидеть, — рявкнул он так, что я замерла.

Он захлопнул дверь, обошёл машину, сел за руль. Двигатель взревел, и мы рванули с места.

Я сидела сзади, прижимая к груди сумочку, и меня трясло. От страха, от унижения, от ярости. И от чего-то ещё, о чём я боялась даже думать.

Мы ехали в полной тишине. Я смотрела в окно на пролетающие огни ночного города, и в голове билась одна мысль: «Он прав. Он во всём прав. Я не должна была сюда идти. Я не должна была так одеваться. Это я во всём виновата»...

А потом в тишине, на светофоре, раздался его голос. Спокойный, ровный, безжалостный, как удар ножа:

— Вот видишь, Дагмара. Первый тебе урок. — Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Глаза его горели в полумраке салона. — Если на твоём пути реальный хищник,

и он хочет что-то с тобой сделать, то плевать всем на твои желания. Всё упирается только в желание хищника. Хочет он отступить и отпустить... или нет. — Он сделал паузу, и эта пауза была страшнее любого крика. — Или всё дело просто во временном затишье, пока более сильный хищник не заявит на тебя свои права.

Меня пробрал озноб. Я смотрела на его отражение в зеркале и понимала, что не про Жору он. Он про себя. Про то, что только что сделал. Про то, что сделает завтра. Про тот поцелуй на обочине и свой отъезд...

Глава 11

Как и в тот роковой день, он резко даёт в сторону и тормозит на обочине.

Вокруг чернота леса и просёлочной дороги. Только я и Ренат...

Сердце готово вылететь из груди.

Какое-то время мы просто сидим и молчим, смотря перед собой.

— Ренат... — мои нервы не выдерживают...

Он продолжает молчать.

— Что Ренат? Набрать отцу и рассказать про тебя, Дагмара?! Это же зашквар! Клуб! Он ведь явно тебя не отпускал! Что ты наплела ему?!

— Всё не так! У девочки из университета с подфака было день рождения. Мы должны были просто у неё дома фильмы смотреть и вкусняшки есть...

— Но что-то пошло не так, и в итоге ты пошла сама вкусняшкой светить сиськами и задницей в клуб...

Его грубая отповедь ударила посильнее, чем пощёчина наотмашь...

— Я сама бы туда не пошла...

— А в баню? За компанию тоже бы двинула в баню? К мужикам пьяным...

— Ренат, прекрати... Не выворачивай... Я и сама в ужасе...

Он усмехается мрачно.

— Нет, Дагмара. Ты не в ужасе. Ты просто капец как легко отделалась! Просто Аллах меня отправил в этот сраный клуб! Если бы не я?! Где твои девки были, когда этот гандон тебя тискал?

— Это Жора, он с института.

Он переводит на меня глаза наконец. Я вижу, как они налиты яростью.

— Еб*т тебя этот Жора?

— Ты... что?! Зачем такие вещи говоришь?

Он смотрит на меня тяжело и зло. Так зло... Господи, сколько же там злости. Мне так страшно сейчас стало...

В следующее мгновение он резко нажимает на кнопку своего кресла сбоку. Дёргает его назад, откатываясь максимально.

— На руки мне залезла, быстро, — приказывает с рыком. Я в ужасе смотрю на него. Что он собрался делать?!

— Ренат... Прошу тебя...

— Если не сядешь, я сейчас наберу отцу, Дагмара... Про институт можешь тогда забыть... Никуда ты не пойдёшь учиться... Будешь дома тарелки на кухне пить, если жопой вертеть решила и подрывать честь моего дома...

Внутри такая обида...

Он гуляет, как хочет, а честь дома подрываю я... Тошно...

— Быстрее! — кричит он.

Я как парализованная.

И только когда слышу ритмичные гудки и вижу на табло авто «Отец», в ужасе, как ужаленная, делаю то, что он сказал.

Мы оказываемся лицом к лицу. Я чувствую его дыхание, мои ноги на его бёдрах и... своим пахом я чувствую его эрекцию... Господи... Что это за кошмар?! Что делать?! Что он собрался делать?!!!

Он отрубает вызов. Смотрит на меня, тяжело и часто дыша...

Мой пульс улетает в космос.

Рука Рената накрывает мой затылок, сдавливает.

Потом возвращается к лицу. Он ведёт вниз по скуле к подбородку, потом начинает растирать мои губы своим большим пальцем.

— Эти губы мужик целовал? — сиплый голос, утробный, дикий...

— Только ты... — я шепчу... Потому что в связках просто нет силы отвечать членораздельно...

Ведёт вниз по шее. Накрывает теперь двумя руками мои груди, сдавливает.

— Кто тебя так трогал?!

— Только ты... сейчас...

Из глаз стреляют слёзы.

Он тяжело и часто дышит.

Опускает руку ниже.

Ставит ладонь ребром. Надавливает на пах. Я невольно вскрикиваю и сжимаюсь, но он тут же надавливает на внут-

реннюю сторону бёдер, заставляя раскрыть ноги...

— Сучка... — шипит он. — Кто тебя такую создал? Дьявол?! Ты как такой родилась?!

О чём он?

В горле першит от шока...

От страха...

От... чего-то ещё... Сладко-постыдного...

Он дергает молнию на джинсах, с силой сжимая одну мою ногу так, что я не могу её свести, давая ему бесконтрольный доступ.

Когда его рука ныряет в ширинку, я вцепляюсь ногтями в его шею, пытаюсь оттолкнуть.

— Не смей... нет!

— Сама напросилась! — шипит он. — Крутила своей ох...нной жопой! Все на тебя смотрели, Дагмара! А могу только я!

— Не можешь! — кричу ему в лицо, слёзы застилают глаза, а потом резко всхлипываю, потому что его палец внутри давит и становится больно...

— Прекрати! — пытаюсь отодвинуться. — Не смей! Мне больно!

— Я должен проверить... — шипит он, продолжая давить. — Что не было никого!

— Ты делаешь мне больно! Это насилие!

— Насилие, — шипит он, — это то, что ты со мной делаешь, сука! Я из-за тебя дома появиться не могу! У меня

за столом стоит! В спальне стоит! В гостиной стоит! Мимо твоей комнаты иду — стоит! Дагмара, какого черта?!

Сама не замечаю, ловя алчно каждое его слово и всем нутром пытаясь их отторгнуть, что боль между ног сменяется на удовольствие... Он гладит меня там. Умело цепляет за нужные струны... Это... поражающе... И унижающе...

— Откинься на руль, — шепчет он мне.

Я как марионетка следую его постыдным командам. В голове одна мысль...

Харам... Харам... Всё, что мы делаем, — это харам!

В следующее мгновение я чувствую, как спираль жара в районе пупка и ниже нарастает. Ещё, ещё и...

Я кричу, переставая его царапать... Теперь я его обнимаю...

Я плачу... И я улетаю...

Впервые в жизни испытывая такое, о чём даже представить не могла...

В ушах звенит, когда я прихожу в себя.

Я всё ещё на нём. Потерянная и шокированная.

Он тоже шокирован.

Когда я опускаю глаза на место соприкосновения наших тел, я вижу на его джинсах тёмное пятно в районе паха.

Поражённо смотрю, хотя надо глаза отвести...

— Я кончил... — произносит он обречённо. А потом усмехается, пересаживая меня на моё место.

Берёт голову свою в руки, волосы взъерошивает, а потом

снова смеётся, качая головой.

— Как мальчишка малолетний кончил в штаны... Пиз...ц, Дагмара... ты что со мной сделала?

Я не знаю, что говорить... В теле такая сладкая нега, а на сердце... Это просто атомный взрыв из всех чувств на свете...

— Я в Дубай уехал и ни одну бабу трахнуть не смог... О тебе думал. Дрочил, мать его! Дрочил! — он бьёт по рулю так дико, что аж машина вибрирует.

Потом смотрит на меня озверевшим взглядом.

— Что делать с этим, Дагмара? — шепчет он сипло. — Что прикажешь с этим делать, малинка?

Я продолжаю бесшумно плакать. Каждое его слово и в рай возносит, и низвергает в пропасть...

Я не знаю, что он хочет от меня услышать... Я сама в шоке, я сама потеряна и не знаю, что теперь и как...

Он вдруг руку протягивает к моему лицу и нежно гладит по щеке костяшками пальцев.

— Мысль о другом возле тебя меня изнутри изъедает, Дагмара... Я не смогу это принять... Слышишь?

Я молчу. Он и не ждёт моего ответа. Потому что это даже не монолог. Это просто приговор...

Словно бы спасением, а может и наоборот, сигналом из преисподней, на экране авто загорается вызов от его отца...

Мы оба несколько секунд смотрим на экран.

Потом он отвечает.

— Да, пап... Случайно набрал, всё хорошо...

После отбоя между нами снова гробовая тишина...

— Мне нельзя в дом, — говорю я потерянно. — Официально я всё ещё в гостях у подруги...

— Поехали к твоей подруге, — произносит тихо Ренат, заводя машину. — Звони ей и узнавай, где она. Если ещё не дома, пусть быстро трусы в руки хватает и пиз...ет на хату, иначе я ей организую проблемы. И чтоб сидела ниже травы, тише воды, пока водила утром за тобой не приедет. И впредь, Дагмара...

Только посмей без моего ведома выйти на улицу. Даже в универ и школу...

— Меня водитель возит...

— Меня не е...т! Ты берёшь телефон, который отключила, и пишешь мне исправно каждый раз, как закончишь занятия в школе и поедешь в институт. И обратно, когда будешь ехать, тоже будешь писать. Если хотя бы пятнадцать минут я обнаружу у тебя провисающего времени, тебе пи...да... Усекла?

— Ты мне никто, Ренат... Не завирайся.

Он снова посмотрел взглядом, от которого мурашки по коже побежали.

— Я больше не повторяю...

Глава 12

Молодое лето в Москве — самое прекрасное время года. Ранним июнем даже самый отъявленный сыч становится немножечко счастливее. Солнце начинает припекать, зелень из салатовой набирает больше глубины цвета.

Юбки девочек становятся короче, а каблуки выше.

Но этой весной меня интересует только одна юбка. И её длина стабильно скромна, хоть надо отдать должное, Дагмара от природы умеет себя нести так, как многие не способны даже после курсов походки супермоделей. Нет, в её движениях нет покачиваний бёдрами и нелепых ужимок, которые считываются мужиками как негласный сигнал к действию. Она просто создана для люкса.

Черт. И я понимаю это всё больше с каждым днём...

Наше дело с Тимуром объективно выбило меня из московской реальности, заставив зависать в Арабском заливе между Дубаем и Катаром дольше, чем я бы планировал. Отец поощрял мои отлучки. То ли потому, что он был рядом, что я наконец плотно встал на две ноги и забрал себе важное международное направление его деятельности. Скажем точнее, его легальной деятельности. То ли...

Вот это «то ли» нет-нет да просыпалось во мне смутными сомнениями... Он реально так подсознательно опекал меня от неё?

И даже не знал, смеяться от этого или плакать...

Простая деревенская девочка Дагмара. Бедная родственница, зашуганная, необласканная, ничего толком не видевшая... То есть он реально в ней увидел угрозу своим матримониальным планам на меня? То есть в самых изощрённых, тонких и умелых гетерах Москвы не увидел, а в ней увидел?

Вот засмеяться бы сейчас и покачать головой, но... Не получалось.

Потому что даже на расстоянии мысли снова и снова возвращались к Дагмаре...

И вот я здесь. Только вчера прилетел из Дохи. И здесь, сука... Сижу в машине у заезда в МГИМО в ожидании неё... И бесит, и сердце вот-вот вырвется из груди.

Дагмара строптива. Это тоже забавно. Забавно, как под настом девственного горского налёта воспитания проявляются очертания её характера. Она не овечка. Она хищница... И потому напрочь проигнорировала мои приказы после той ночи в машине...

— Почему не написала? — яростно выдал я ей, схватив за руку следующим же вечером в тёмном углу на этаже, где была её комната, когда она вернулась из университета.

— Потому что ты мне никто, Ренат, — дерзко встретила мой взгляд.

— Я сказал, хуже будет...

— А что будет хуже? Расскажешь отцу про то, что сделал со мной в машине? Поябедничаешь про клуб? Давай... Это

в духе вашей семейки... Карина бы точно воспользовалась такой возможностью меня закошмарить...

Я осёкся...

Ревность затмевала мне глаза и делала дебилом. Тупая, алогичная ревность непонятно кого к непонятно чему. Я бы никогда её не выдал отцу... Да, просто пугал и хотел контролировать сам, но чёрт возьми, она не спасовала и не поддалась на понт... Решила встать в позу. А от того ещё сильнее захотелось её поставить уже в другую позу. Во много-много поз...

Да. Я хотел бедняжку-сироту из горского села. Хотел сильнее, чем многих из своих шикарных сучек, которые знали толк в том, как вскружить голову мужчине.

Не знаю, стала ли моя затянувшаяся командировка в ОАЭ, а потом в Катар спасением для нас или наоборот только усугубила ситуацию...

Так или иначе, сегодня и сейчас я сидел у входа в МГИМО и ждал её выхода.

Дагмара сегодня успешно сдала последний вступительный экзамен и сейчас вот-вот должна была выпорхнуть наружу, уже студенткой самого престижного вуза страны. Сдала сама, вопреки тому, что отец был готов за неё ходатайствовать. Попросил Тимура немножко пошпионить для меня. Он преподавал и имел доступ к учебному процессу. Я ж влез в его амурные дела. Так и он пусть подключается... Через него и расписание её узнал.

У машины в шаге от проезжей части проспекта Лобачевского, хихикая, встали две милашки в коротких юбках. Типа такси ждут. Ага. Знаю я, как они ждут... Много таких обычно бывает вокруг меня, ждущих. Осталось только выпрыгнуть из трусов, чтобы я обратил внимание. Нет, малышки. Не сегодня...

Проскользил по точеным фигуркам небрежной улыбкой и даже член немного приободрился, но... тут же забыл о горе-соблазнительницах, когда посмотрел на вход...

Она была на расстоянии не менее трёхсот метров. Но, сука, казалось, что это Афродита спустилась с неба. С горы, бл...

На Дагмаре было лёгкое льняное платье на пуговицах с юбкой клёш. Непошло, но красиво. Тёмные густые волосы собраны в хвост. Ноги в изящных телесных балетках, но такие изящные, что челюсть сводит от желания сжать в руках щиколотку, чтобы...

Я бы дернул её на себя. Закинул бы на плечи эти ножки и...

Член встал. Идиот. Уймись пока... Не пугай её раньше времени.

Я вышел из машины, уверенно направляясь к ней, оглядывающей в замешательстве паркинг.

Нет, малыш. Об отсутствии у тебя манёвра к отступлению я озаботился...

— Привет, красавица! — бодро произнёс, растягивая губы в улыбке и с кайфом ловя её шок и сразу же вспыхнувшее

костром на щёчках волнение.

— Привет... А ты... какими судьбами?

— Приехал поздравить тебя с поступлением, студентка...

— Спасибо... — сконфузилась. — А... где Мага?

Мага, бл... Она вонючку-водилу Магой называет... Надо уволить пиз...ка...

— Мага уехал по другим важным делам, а домой отвезу тебя я. Не переживай. С отцом согласовано. У меня были дела в институте. Он знает, что я тебя заберу, — и вру, и нет... Про дела я наплёл и пахану, и красотке...

Галантно открываю дверь суперкара. Не без удовольствия смотрю, как аккуратно пытается сесть в низкую машину, чтобы не открыть лишнего... Ох, я бы сейчас открыл...

Когда оказываюсь в салоне сам, быстро перекидываю руку на заднее и достаю сначала огромный букет красных роз, который ложится на её коленки, а потом пакет с подарком.

— Что это?

— Поздравляю с поступлением, Дагмара, — пытаюсь звучать спокойно, даже небрежно, выкручивая руль. Надо ехать... Чтобы выгадать хотя бы немного времени...

Она мешкает, но потом всё же развязывает шёлковый бантик цвета слоновой кости, открывает зелёную коробку...

Глаза замирают на дорогой эмали в цвет её нежной кожи в виде лепестков. Да, Ван Клиф — подарок с намёком на продолжение...

— Не стоило... — произносит спокойно. — Красиво, но

не стоило...

Бля, серьёзно?! Я купил ей комплект в цену половины однушки, а ей не стоило? Она, наверное, не знает, что это... А сказать сейчас... Бля, сам буду как дешёвка выглядеть.

Бесит! Почему с ней всё не по плану вечно?!

— Заедем перекусить, Дагмара? Расскажешь о себе, как тут этот месяц провела.

— Спасибо, — улыбается она. — Я не голодна...

Глаза отводит. Зажатая — капец. И даже нет тех самых стрел самки, которые её инстинкты раньше непроизвольно бросали.

Еб...ть. А может мужик появился?! Ухажёр какой грёбаный?!

— Зато я очень голодный...

— Думаю, повар тебя накормит, — произносит она, отводя глаза в окно.

Я чертыхаюсь про себя.

Всё не по плану! Что ж ты такая, а?! И что я себя таким лохом недоделанным чувствую?!

Едем молча...

Ни в какое кафе она со мной не пойдёт...

Хорошо... Включаем режим пиз...ла-трахателя ушей...

Пересекаем МКАД. Пробок почти нет.

— А я капец как задолбался в Заливе. Там с апреля просто невыносимая жара... Такой кайф — летняя Москва. Лучше, наверное, только в горах...

— Да, в горах летом хорошо... — произносит она мягко, но сухо. На вежливой дистанции. — Но и московское лето очаровательно.

— Трудный экзамен был? У тебя сегодня история Отечества?

Она пожимает плечами.

— Мне повезло. Попались знакомые билеты... Да и спрашивали не очень строго. Это ведь дополнительные внутренние экзамены поверх ЕГЭ. Так что считаем, что мне повезло...

— Ты молодец, — произношу искренне. — Не каждая на твоём месте смогла бы.

— Не каждая какая? На моём месте деревенской дикарки?

И вдруг я вижу этот острый взгляд наконец обращённый на меня.

Внутри всё загорается. Вывел-таки из себя. Хоть так, малинка...

— Я не про это... Программа сложная. Ты недавно начала готовиться...

Она усмехается, снова переводя глаза на окно.

— Думаешь, в горах всё сплошь тупые и книжек не читают? Почему, Ренат? Почему такая уверенность в превосходстве?

И вот она говорит это мне, а я в ту же секунду понимаю, что не я её вывел из себя, а она меня... В горле пересыхает...

Сердце бьётся дико...

Совершаю самый нелепый поступок, который только мог бы с ней...

Опять даю вправо на обочину просёлочной и бью по газам.

Её красивые глаза тут же обращаются ко мне, длиннющие ресницы веером раскрываются над чёрным, спелым яблоком глаза. Какие глаза... Один взгляд — и можно подохнуть...

— Ренат... — поджимается вся, опасаясь, что я опять за старое...

— Тихо, Дагмара. Ничего не сделаю... — голос предательски садится. — Просто надень мой подарок. Он очень к платью подойдёт. Я старался для тебя, выбирал. Это лимитка. В России такой нет...

Он нервно сглатывает. Берёт бархатную коробочку в руку и снова открывает. Серёжки надевает, а вот браслет не слушается...

Я перехватываю запястье и застёгиваю сам. Её кожа нежная... А пульс...

Такой дикий пульс...

Врушка... Вся твоя отстранённость — это лишь сдержанность горской девчонки... От этой мысли эндорфин шарашит по венам.

Я перехватываю с подложки ожерелье.

— Поверни голову... — голос сипнет, когда пальцы касаются её тонкой шеи. И снова вижу, как венка пульсирует.

Я хочу опустить на неё губы и поцеловать, но из-за выстроенного барьера не решаюсь...

Перехватываю взгляд в боковом зеркале.

Она тут же отводит глаза...

— Я скучал... — выдыхаю полушепотом. — И дня не было, чтобы не вспоминал про тебя, Дагмара...

Молчание и напряжение между нами напоминает огромное спелое яблоко, которое так сильно оттягивает ветку, что она сейчас сломается перед тем, как оно упадёт...

Она резко поворачивается на меня. И от этого нараставший звон в ушах разом затихает.

— Ренат, давай проясним раз и навсегда. Не нужно. По-человечески тебе говорю. Не лезь ко мне. Не соблазняй. Не давай надежду. Не показывай, что я тебе нужна. Для тебя это развлечение, а для меня...

— Что... для тебя? — я кретин... Всё, что я сейчас хочу, это услышать её признание... Бля. Она же права! Отец прав! Хули я делаю?! Я что, совсем скот?!

Её полные малиновые губы расплываются в обескураживающей улыбке.

— Да, Ренат, я глупая дурочка и я могу влюбиться в тебя. Как не влюбиться в такого? Ты и сам знаешь о своей неотразимости?! Но только что потом?!

— Ты будешь моей женой, — срывается с губ раньше, чем включается мозг.

И нет, это даже не член говорит.

Это говорит моё сердце...

Моё нутро...

Моя душа...

Я смотрю на эту девушку и понимаю, что я реально, по-первобытному, на инстинктах, без сомнений и сожалений хочу её в жены. Хочу видеть её до конца своих дней. Хочу, чтобы её нутро после того, как я буду его любить, будет вынашивать моих наследников. Хочу видеть в чертах сыновей её черты.

Хочу её в свою жизнь... Без вариантов...

Глава 13

— Глубже, — надавил на горло Кларе, заставляя заглатывать сильнее.

Поперхнулась, закашлялась. Тупая шлюха.

А ведь умелая такая... Так что так бесит...

Перед глазами горская принцесска, мать его...

И хочу представить её пухлый малиновый рот на моём члене. Хочу представить, как вот так же покорно глотает и кашляет. Со связанными руками за спиной, с голыми сиськами... Не выходит...

Потому что Дагмара в другой части моего порочного, мрачного мира.

Я хочу её зверски. Но это не похоть в чистом виде...

Это страсть. Разъедающая, лишающая дыхания.

И понять её природы я не могу.

Не могу объяснить сам себе, как мог так втюриться в скромную, ничем, кроме красоты, не примечательную девочку...

А после того, что услышал сегодня утром за столом с отцом...

Этот говно-Мага, ушлый типок... Прислуживает папке знатно. А тот любит вот таких... Вышколенных, дисциплинированных, понятных... Таких, каким мне не стать никогда...

Он забежал с пачкой бумаг. С утра смотался в офис, на-

грёб для отца, чтобы тот не тратил время на рабочем месте.

Тот поблагодарил, проводил его светлым взглядом.

— Хороший парень. Наш... Из тухума нашего, но в столицу переехали пять лет назад. Я думаю, пойдёт выше. Люблю таких парней. И голова варит, — посмотрел на меня испытующе. — На заочке учится, матери помогает... Порядочный, не пьющий... Думаю, если в течение года ещё себя положительно покажет, квартиру ему куплю и Дагмару за него отдам. Идеальная пара...

— Дагмару? — усмехнулся я, давясь чаем. — Он не уровень Дагмары...

Ляпнул раньше, чем подумал.

Отец устремил на меня коршуний взгляд.

— А кто же пара Дагмаре? Просвети...

Я откинулся на стул, вдыхая щедрый клуб воздуха.

— Она девчонка совсем. Оставь, пусть учится. Сама решит...

— Она красивая и спелая, — перебил меня отец. — Сейчас в институте начнут к ней липнуть...

— Ну так может кто крупнее прилипнет...

— А зачем ей крупнее? — продолжал жечь меня отец. — Дагмара не из нашего жестокого мира. Ей нужен очаг и нормальный муж. Магомеду она нравится. Я ж вижу...

Я снова сделал глоток, пряча гнев за фарфором. Нравится она Магомеду...

— И тебе нравится, Ренат, — ну вот, мы к сути перешли.

— Непонятно зачем... Не трать своё время и думки... Ты свою задачу с невестой знаешь... Напоминать больше не буду. На этих выходных они к нам в гости приезжают. Пока слова с них брать не будем, но все понимают, что следующий шаг за нами и нашим сватовством...

Я допил остатки чая щедрым глотком и встал.

— У меня дела, опаздываю...

— Дурак! — услышал я вслед, как слышал уже сотни раз.

Дурак, да...

Втрескался в Дагмару. И не отпущу её точно...

— Ай, — возвращаюсь в настоящее, чувствуя на плоти губы этой шкуры. — Аккуратнее, стерва!

— Извини... Ты какой-то напряжённый, не со мной, — говорит Клара.

И то верно. Она обычно очень хорошо меня чувствует, а тут...

— Подожди... — произношу я. Тянусь к столу, беру зажигалку и сигареты.

Телефон беру. Набираю ждущему меня внизу Маге. Специально его взял с собой в качестве водилы. Поговорить хочу с ним, узнать, так ли хорош, как отец про него вещает... И про Дагмару прозондировать хочу...

— Салам, боец, — говорю бодро, отшвыривая от себя шлюшку, которая падает на задницу и тихо стонет, потому что руки скованы наручниками и она не может пошевелиться... — Не спишь? Если нет, поднимайся сюда... Девятый

этаж. Квартира 65. Дверь тебе сейчас откроют...

Глава 14

Он заходит в квартиру. Усмехаюсь, закуривая. Уверен, уже охерел от вида малышки Клары.

Доступная красотка пошла встречать его голышом. Не для расшаркиваний он тут и политесов. А для чего? Сам не понимаю. Творю херню... Бешусь на себя...

— Ренат Сулейманович, — произносит он сипло, когда она заводит его в комнату.

Я вижу, как он насильно отводит глаза от шлюхи. Отводит, а потом снова скользит по ней глазами. Снова и снова. Голодный, горячий кавказский пацан. Ушлый. И как отец мог решить, что он может быть парой Ей?

Откидываю голову на спинку кресла, снова затягиваюсь и усмехаюсь.

— Не переживай, парень. Вижу же, что дело молодое... Вот, бабой с тобой решил поделиться...

Он стоит в замешательстве. Челюсть поджал. Клара умело обходит его по кругу. Демонстрирует себя. Умеет завести даже покойника. И он, конечно, уже возбуждён. Ещё и на таком недотрахе. Сомнений в том, что присовывать ему пока некуда, нет.

— Иди, Мага, — снова я выдыхаю большой клуб дыма. — Вые...и её...

— Нет... — сжимает челюсть и снова отворачивается.

Меня это бесить начинает. Или я просто нарываюсь...

Встаю и подхожу.

— А что так? Про другую думаешь?

Он молчит, глаза отводит.

— Я пойду вниз, Ренат Сулейманович. Вы тут и сами справитесь.

— Стоять! — ярость дребезжит во мне. Дикая и необузданная. Дёргаю его за плечо и насильно снова разворачиваю на себя. — Ещё раз посмотришь в её сторону! О ней подумаешь... Я тебя, козла недотраханного, на шашлык пущу.

Он краснеет. Желваки начинают играть на лице.

Кулаки сжимает.

То, что мне нужно...

— Тебе она зачем? — шипит сквозь зубы. — Шлюх мало?

Я не выдерживаю и первым нападаю. Мне нужна эта драка. Нужна эта физическая боль. Нужно получить самому и зарядить тоже нужно!

Даю ему под глаз. Он пятится, но не отвечает.

— Тебе она не по зубам, чмо... — шиплю я. — Вот как минимум потому, что ссышься ответить мне из-за моего папашки. Хоть сам и ненавидишь меня!

Он рычит.

Превозмогает себя и всё-таки мне засандаливает.

Ох, какой кайф. Теперь не нужно себя сдерживать. Мы бьёмся, как два коршуна. Клара визжит. Лицо покрыто синяками. Я чувствую, как они наливаются жаром, пульсируют.

Добрый джигит Мага уступает мне в навыках боя.

Не учили его, видимо, в горах тому, куда меня отец таскал с детства.

Но на удивление даже расквашенное лицо не приносит удовольствия...

Я матерюсь, перешагивая через него, корчащегося после того, как я хорошенько его отделал. Приказываю Кларе привести его в чувства и приголубить всё же.

Сам же быстро иду в машину и даю по газам в сторону дома.

Я хочу увидеть Дагмару.

Я хочу, чтобы...

Бля, да. Я хочу, чтобы она обработала мои синяки. Чтобы спросила, почему. Чтобы я сказал правду, что... ревную, бл... Я её ревную...

Мысль о том, что я ей говорил в последний раз, не отпускает.

Я и правда готов жениться.

И чувство это удивительное...

Я... Я так дико, так сильно хочу её, что на фоне этого ошеломительного желания гаснут все другие доводы и эмоции...

К моему величайшему сожалению, она не дома... Уехала что-то докупить к началу учебного года. Зато я застаю Карину... Держащую за руку садовника. Сука. Значит, это правда, о чём шепчутся слуги.

Они видят меня и отскакивают, как отрицательно заря-

женные частицы.

Этот идиот плодовоягодный сбегает, а вот она остаётся и смотрит волком...

— Если ты скажешь отцу, я скажу про Дагмару, — нападает с разбегу.

Я прыскаю.

— А что ты скажешь отцу? — губа болит и кровит. Херово. На душе херово... — Он и так не дурак...

Она дышит тяжело и часто. Попалась, стерва...

Теперь её козыри у меня...

— Не ссы, Карина. Сегодня живи, — не хочу сегодня воевать, да и просто слить её отцу будет глупо. — Главное, херни не натвори. Знаешь же, что порог нельзя переходить... Есть красная черта, Карина...

— А у тебя? — она смотрит с интересом. — У тебя какой порог с Дагмарой?

Вот же стерва... Зачем она ко мне лезет? Что ей надо?!

Выдыхаю тяжело.

Смотрю ещё более тяжело.

— Садовника надо уволить... И чтобы духа его не было возле тебя, — произношу, надавливая на глазницы. — И принесёшь мне справку от гинеколога, что девственна... Не хочу позора для семьи...

— Не надо увольнять Дмитрия... — произносит сипло, тихо и уязвлённо.

Я смотрю с вызовом. В смысле? Вообще офигела от наг-

лости?

— Давай ты поможешь мне, а я тебе...

— Что несешь, Карина? — начинаю терять терпение...

Она находит со мной зрительный контакт...

— Послушай, Ренат... Я помогу тебе, а ты мне... Ты же хочешь сблизиться с Дагмарой... Я тебе в этом помогу... А ты за это закрой глаза на мою интрижку с садовником. И да, я умная девочка и красную черту не перейду... А вот ты... — она усмехнулась. — Определи всё же для себя, в чём твоя красная черта...

Глава 15

— Дагмара, я хочу у тебя попросить прощения за всё, что было... — искренне смотря в глаза, произнесла Карина, ошарашив меня до глубины души. — Я... я ревновала к папе... И вообще... С моей стороны было верхом эгоизма не принимать тебя... Не сочувствовать твоему горю... Я хочу всё исправить. Теперь ты одна из нас. Статус мгимошницы — это карта в элитарный клуб...

Я смотрела на дочь Сулеймана и не понимала, блефует она или говорит правду...

То, что её отношение ко мне изменилось, реально стало очевидно аккурат с момента моего официального зачисления в институт. Ну, возможно, и правда теперь ей не стыдно со мной якшаться в компании своих богатых подруг...

Сегодня она поймала меня в спортивном зале, куда я хожу рано утром, пока все спят, на растяжку. Девчонки с подкурсов сказали, что это очень помогает, когда спина болит от постоянного сидения, даже звали в тренажёрный зал, но мне стыдно было просить денег у дяди Сулеймана на абонемент, потому я просто искала в интернете ролики, как заниматься, и смотрела...

— Ты раньше занималась? — спросила она, окинув меня в позе змеи.

— Нет, — пожала плечами. — Просто спина болит...

— У всех болит на первом курсе, — улыбнулась она. — Слушай... А давай ты пойдёшь в мой спортзал. Он рядом с универом, и у меня по членской карте плюс один человек, платиновая. Там и бассейн, и сауна, и железо лучшее, даже танцы и пилатес включены. Пойдём, Дагмара... Я тебя познакомлю с девочками. Всё равно нам теперь каждый день пересекаться в коридорах...

Я с подозрительностью посмотрела на ту, кто ещё месяц назад меня за пустое место принимала. А сейчас... Расчёт. Это точно расчёт. Но в чём? Дядя Сулейман пригрозил, что лишит денег? Так уже не первый раз... Или реально боится, что подружки начнут расспрашивать, что за родственница такая бедная теперь учится с ней в одном университете.

С другой стороны, факт того, что я туда пойду, не какая-то страшная история. Это даже не поход в ночной клуб с девчонками, от которого было столько неприятностей...

— Дагмар... Я правда... прости... — Черт. Если она и правда играет, то актриса из неё превосходная. Может, в ГИТИС надо было идти, а не в МГИМО, если там достижения у неё весьма посредственные...

— Ладно... Давай попробуем... — решила я рискнуть.

— Молодец! — улыбнулась она.

Через два дня я уже пошла с ней на первое занятие по йоге и познакомилась с несколькими девочками из её круга. Надо отметить, вполне приятными. Даже не ожидала. Одна из них, Алия, наша соседка, вообще оказалась очень душев-

ной и нереально красивой девочкой... С ней как-то лучше всего удалось найти общий язык. Она тоже была завсегдатай в этом центре и говорила, что на него делают ставку все, кто учится в институте, так как нет затрат по времени на дорогу и пробки. Она же предложила мне попробовать накачать мышечный каркас на тренажёрах. Сказала, что йога — это только часть дела, но не решение проблемы постоянного сидения за учебниками...

Уже через день мы пришли с ней в зал потягать железо. Для меня всё это было страсть как непривычно. Я до этого видела тренажёрки только по телевизору, особенно такие... Но в платиновый абонемент Карины входили бесплатные занятия с тренером, потому мне быстро объяснили, что к чему.

Сказали, что двух раз в неделю вполне достаточно для моей задачи, и выделили приветливую девушку-коуча... Мне расписали график, который оптимально вписывался в последний месяц перед универом и в дальнейшем гармонировал с сеткой занятий, которая уже появилась на сайте в учебном разделе.

В зал я ходила теперь по вечерам. В то время, как Карина была на пилатесе. А потом её водитель, который вдруг стал очень со мной приветливым, вёз нас вдвоём домой. Получала удовольствие от занятий.

Недели две... А потом во время кардиотренировки чуть не слетела с эллипсоида, когда рядом вдруг оказался Ренат...

Схватил её прилюдно за руку — отец сделал замечание.

«Спишь» — сообщение на телефон.

Ренат, что-то ты много времени в доме стал проводить.

Три брата — Ренат, Гамзат и Махач.

«Наш отец никогда не согласился бы на брак с такой, как ты...» — Карина.

Глава 16

Он подходит ко мне. Мокрый после интенсивной тренировки, с горящими глазами... С такой сильной энергетикой, что просто сносит!

Я даже не дышу...

Теряюсь в моменте, потому что не ожидала... Не рассчитывала...

Ренат появляется в моей жизни волнами: то его много, то он пропадает.

Он переменчив, как погода на море... То шторм, то штиль...

— Привет, красавица... — улыбается открыто. — Не ожидал тебя здесь увидеть...

Я нервно кусаю губу. А я-то как не ожидала...

— Давно тут занимаешься?

— Решила мышечный каркас спины укрепить, а то от сидячего образа жизни болит...

Он улыбается.

— Горянки всегда имели крепкие спины. Таскали испокон веков кувшины с водой и сено. Отец рассказывал, что его мать родила его прямо в поле. Как раз вот так переносила вязанку...

Я пожала плечами. К чему опять эта подводка про моё происхождение, я не понимала. Я вообще не понимала ни

его, ни его сестру, ни их семейку в целом. Чтящие традиции снобы, которые в то же время эти самые традиции и презирают...

— Ты дозанималась? — спрашивает он, кидая взгляд на стоящую в сторону деликатно тренершу. — Не побоишься со мной выпить кофе... или по протеиновому коктейльчику... Не знаю, на сколько ты ушла в фитнес...

Его это «не побоишься» царапает своей усмешкой...

Я не хочу показывать ему свою слабость...

И страх тоже...

Ренат не опасен мне, когда знает свои границы...

— Ещё один подход. Потом переодеваться. Полчаса подождёшь?

— Без проблем. Тогда в фойе...

Когда я всё же выхожу наружу, совершенно не удивлена, что водитель Карины уехал. Ренат отпустил его, конечно.

И это, как ни странно, приятно где-то в глубине души царапает моё женское эго. То, что он всё равно транслирует мне своё внимание и расположение, конечно, льстит. Особенно сейчас, когда я поняла, что в целом каждая первая подруга Карины за исключением разве что Алии, у которой своя любовная эпопея, влюблены в Рената.

— Кофемания? Ты уже подсела на мгимошный вайб? — усмехается он, галантно открывая дверь зала.

— Мне всё равно... — пожимаю плечами. — Это явно не то, что я ценю в факте поступления...

— Умница... — отвечает он.

Мы стартуем.

В салоне мягкая музыка. Погружающийся в вечернюю дымку город сияет красно-жёлтыми огнями. Красиво... И я тут уже не совсем чужая...

— Как освоилась, Дагмара? Со стороны, скажу честно, ты просто словно бы самая прекрасная часть этого города... Я в зале увидел тебя со спины с другого конца. И не только я... Там все мужики на тебя слюни пускают...

— Мне это не интересно, ты знаешь... — краснею я.

И от того пропускаю факт, что мы свернули куда-то совсем не в сторону ближайшей Кофемании.

Он выдыхает. Лукаво смотрит на меня. В полумраке салона его глаза действительно светятся — мягким, тёплым светом, будто внутри у него зажгли маленькую свечу, которую он прячет только для меня.

— Куда мы, Ренат?

Он снова на меня смотрит и улыбается. Эта улыбка — расслабленная, чуть виноватая, но уже по-хорошему настойчивая.

— Не переживай, Дагмара. Я уважаю твои границы и урок усвоил...

Когда машина заезжает на смотровую к Воробьёвым горам, я чувствую, как внутри всё оттаивает. Снаружи — вечерняя Москва, размытая в свете фар, а здесь, в этом подъёме в гору, есть что-то невесомое, почти студенческое. Я не

могу удержаться и улыбаюсь кончиками губ.

— Хочу быть первым, кто привезёт самую красивую первокурсницу Москвы на самое романтичное для студентов место...

Я молчу. Только кусаю губу, чтобы не выдать себя слишком быстро.

Мы паркуемся. Ренат выходит первым, обходит машину и галантно открывает мою дверь. Заглядывает в глаза — серьёзно и с той лёгкой дерзостью, от которой у меня внутри всё переворачивается. Улыбается.

— Ты обещал кофе...

— И я сдержу обещание, — кивает он. — Тут самый крутой кофе, малышка... Со студенческих лет помню. Вот в этом ларьке.

Он смеётся, легко перепрыгивает через зеркальную вечернюю лужу и встаёт в небольшую очередь. Спустя мгновение возвращается с двумя бюджетными бумажными стаканчиками — белыми, чуть влажными от пара.

— Попробуй. Сирийцы держат. Настоящий восточный кофе.

Терпкий запах сильно бьёт в нос — густой, пряный, с нотами кардамона и чего-то далёкого, похожего на воспоминание. Я пригубляю. Горьковато, тепло, с лёгкой кислинкой. Мне нравится.

Мы встаём у широкого мраморного поручня. Внизу, под нами, раскинулась вечерняя Москва: река переливается зо-

лотыми чешуйками света, высотки мерцают, как рассыпанное ожерелье, а где-то далеко угадываются огни «Лужников». Ветрено, но его порывы приятны — они гладят лицо, путают волосы и уносят с собой первый глоток кофейного тепла. Воробьёвы горы дышат свободой. Здесь пахнет сырой листвой, мокрым камнем и молодостью. Кажется, что весь город лежит у наших ног, доверчивый и огромный.

И в этом ветре, в этом просторе Ренат тихо произносит, не поворачивая ко мне головы:

— Хочу быть первым и последним, Дагмара. Я поговорил с отцом про нас с тобой...

Он произносит это — и я замираю.

Просто перестаю дышать.

Стаканчик с кофе чуть заметно дрожит в моих пальцах, а Москва внизу продолжает жить своей жизнью, не подозревая, что сейчас, на мраморном парапете, у одного человека остановилось сердце — чтобы через мгновение забиться снова, но уже совсем иначе.

Глава 17

— Ты должен оставить в покое Дагмару, Ренат, — отец кидает слова мне в спину, как камень.

Я смотрю в окно.

Снег медленно падает на нашу территорию. Проклятый снег... Уж ведь весна! Апрель! И снова снег! Прямо поверх едва позеленевшей зелени газона... Когда-то тут был красивый сад... Мать очень любила его, своё детище, отдушину. Любила цветы и плодоносящие деревья, а отец никогда её не понимал. Не понимал, зачем самой копаться в земле и дрожать над каждым бутончиком... Не понимал, почему яблоки из сада вкуснее, чем самые дорогие, купленные на рынке. Он не раз предлагал засадить всю нашу территорию газоном всякий раз, когда зимой били сильные морозы и очередные мамины цветы замерзали... Потом матери не стало... И сад запустел... Той же весной отец приказал выкорчевать большую часть роз, и перед домом перекопали и застелили траву в рулонах, напоминающую пластиковое покрытие.

Это последний снег в этом году, конечно же. Зима давала свой последний бой. Мой бой с отцом был только впереди...

— Она слишком красива... — я произнёс это несознательно. Вспомнил мамины розы — и слова вырвались сами. Долгие годы мне казалось, что нет ничего прекраснее этой абсолютной созданной Всевышним красоты — тонкости, сочно-

сти, аромата... Бутоны были совершенными в своей гармонии и чистоте. Когда я увидел в первый раз Дагмару, я понял, что она прекраснее самой совершенной розы, когда-либо созданной природой... — Я не могу, отец... Никогда и ни одна женщина так не пленила меня. Я... — я не знаю, зачем я исповедуюсь. Может быть, потому что он отец... Потому что он мужчина... В жизни каждого мужчины бывает женщина, которая ломает всё, заставляет изменить принципам, нарушать клятвы, превращает монстра в котёнка или, наоборот, котёнка в монстра... Смешно звучит, но с первого взгляда я знал, что такой для меня станет эта милая неискушённая девушка, спрятанная высоко в горах...

Я обожал опытных женщин. Я наслаждался их умениями. Я любил эту вечную игру на грани. Мне льстило водить за собой по дорогим ресторанам, а потом укладывать в свою постель звёзд, певиц, инфлюенсерш. Они были переходящим знаменем в среде таких, как я. Гетеры двадцать первого века. Прекрасные, холодные, расчётливые... Тем было интереснее ломать их суть... Вскрывать их подноготную... Превращать очередную опытную светскую львицу в течную кошку на поводке, которая будет готова ползать у меня в ногах, вымаливая ещё толику внимания.

Дагмара... Она была не то что другой породы. Не то что из другого теста. Дагмара была редким алмазом... Когда я думал, что её в буквальном смысле ласкал только ветер, во мне просыпался какой-то дикий, первобытный дух собственни-

ка. Я торжествовал и предвкушал, я с ума сходил. Если бы я мог, не разрешил бы ей раньше времени оказаться в Москве. Одна мысль о том, что на её неприкрытую, беззащитную, дикую красоту могут смотреть с такой же алчностью, как я сам смотрю, вызывала желание убивать...

— Ренат, — возвращает меня в реальность отец. Я глубоко дышу. Потому что одна мысль о ней заставила меня возбудиться даже при нём. — Ты сейчас говоришь, как четырнадцатилетний мальчишка, который проходит кризисы пубертата. Ты совсем что ли? Среди вас, кахбунов и потаскунов Москвы первого калибра, новая мода что ли? После шлюх переключились на глупых неопытных целок? Так найди себе. Благо, что этого биомусора побольше, чем опытных давалок... Отъезжаешь десять километров от Москвы — любая за тобой пойдет. Чёрная, белая, красная... Дагмара из наших. Как бы ни было, она из нашего рода. Моя задача — устроить её жизнь.

Я резко разворачиваюсь на отца. В глазах темнеет.

— О чём ты? Что значит «устроить её жизнь»?

Он сидит хозяином жизни за своим массивным дубовым столом. Пьёт коньяк. Смотрит на меня с прицелом в глазах.

— Она молодая и глупая. Благо, что красивая. Мне некогда думать о том, кто там на неё западет в институте. А явно западут, если вон даже такой опытный и пресыщенный подлец, как ты, запал. Она не моя дочь, чтобы я выслеживал все её телодвижения с охраной. Много чести. Замуж её надо

выдать побыстрее. Пусть муж и думает о её будущем.

— Ей только исполнилось восемнадцать лет, отец, — голос дрожит. Ладони потеют. Замуж... Он собрался отдавать мою Дагмару замуж... Теперь он прямо говорит об этом...

— Да, Ренат, — давит отец. — И чтобы у тебя спокойствие в штанах наступило. А то мало того, что ты еб...ся везде, где можно притулить бабу к ровной поверхности, так теперь ещё и дом мой хочешь превратить невесть во что... От твоего тестостерона стены трещат!

— Отдай её мне, — снова вырывается бессознательно.

Отец смеётся. Искренне так, гортанно.

— Ты сам себя слышишь?

— В каком статусе?

— Я хочу её в жены! — произношу смело. Смотрю в его глаза. Решительно и дерзко.

— Нет... — машет он головой, словно бы я нелепицу сказал. — Дело не только в том, что она бесприданница из села, которая элементарно даже как вести себя не знает... И тебе она наскучит примерно через раз после того, как ты её трахнешь. Дело в том, Ренат, что ты ведь не дурак... Я на тебя такие надежды возлагаю. Деньги к деньгам... На черта мы строили эту империю, на черта я так рисковал, на черта сейчас всё время в хрупких союзах, лавируя между сдержками и противовесами? И ты хочешь нас лишить такого мощного козыря?! Реально?! Ты искренне полагаешь, что оно того стоит? Ради молодой розовой письки профукать такой мощ-

ный ресурс, как выгодная женитьба, которая укрепила бы твоё положение на десятилетия?! Если так, то ты идиот, Ренат...

— Я хочу её... — как загипнотизированный. Кровь в висках бьёт диким пульсом. Я сейчас ненавижу своего отца. Ненавижу... Ничего в своей жизни я так не хотел, как её. — Она моя женщина. Ничто так не мотивирует на успех, как любимая...

— Какая на хер любимая?! Ты что путаешь котлеты и мух?! Езжай в бордель на Патриаршие. Захоти какую-нибудь другую. Уверен, там будет та, кто сможет скрасить твои «хотелки» не хуже... Это так тривиально, Ренат... Я думал, что ты взрослый разумный мужчина, уже вышедший из возраста нелепых капризов по воле гормонов и эмоций... Это ж надо... — отец искренне усмехался, потешаясь и качая головой. — На эко-туризм его потянуло... Барышня-крестьянка, мать его... Иди давай. У меня ещё конференц-колл. Кстати, к слову, хоть ты того и не заслуживаешь, но завтра можешь ехать в салон, забирать свой новый джип Феррари ручной сборки. Хотел ещё на день рождения тебе подогнать, но из-за санкций логистика дала сбой. Приехал только сейчас.

— Спасибо, — говорю сипло. И понимаю в моменте, что не рад. Мне плевать на джип, ради которого ещё год назад был бы готов на всё. Сейчас я хочу другое...

Я зависаю на пороге. В моём кармане коробочка с кольцом. Кольцом для неё... И нет, меня никто не переубедит,

что это наваждение. Перед глазами снова и снова сцена из «Крёстного отца» Марио Пьюзо. Как Майкл, горячо любящий свою американскую подругу, выросший в обществе США, предельно далёкий от традиций костных итальянцев, оказался беспомощен перед лицом своей сути... Когда в далёком итальянском селении он с одного взгляда на местную стеснительную девчонку понял, что она создана для него. Это инстинкт. Это зов предков... Не бабла, не расчёта...

Он нехотя оторвался от своих бумаг и поднял на меня скептический взгляд.

— Что-то ещё?

Я промолчал...

Вышел и набрал Карину.

О том, что она сблизилась с Дагмарой для меня, я уже знал. О том, что моя девочка пошла на спорт — тоже...

— Выведи из строя своего водилу сегодня, Карина. Я сам отвезу Дагмару домой из джима.

Карина хмыкнула.

— Что задумал, братец? Терпец лопнул? Она кстати не совсем чурила. Мои девки находят её милой, интересной и очень общительной...

— Капитан очевидность, — усмехаюсь я, быстро идя к машине. В багажнике уже форма. Пусть я давно уже хожу в другой зал, сегодня это не важно...

— Ренат... — выдыхает Карина. — Ты помнишь, да? Мы договаривались, что без палева...

— Ты это к чему? — завожу машину.

— Лилька видела тебя позавчера в ЦУМе у бутика «Картье». Я надеюсь, это цацка очередной твоей шкурке?! Не будешь же ты деревенщине дарить украшение из Картье!

Усмехаюсь про себя.

Хуже, Карина.

Я собираюсь подарить деревенщине своё сердце и свою руку. А Картье — просто дешёвка. Символ...

— Карик, сестричка, — выдыхаю, подавляя желание дать этой стерве взбучку. — Напоминаю тебе, что не ты диктуешь условия... Лучше подумай о том, что твой садовник не сможет тебе подарить Картье... А тебя, судя по всему, продолжают сильно беспокоить дорогие цацки...

Она резко выдыхает. Чувствую её раздражение.

— В отличие от тебя, я не заигрываюсь и знаю и своё место, и место таких, как Дагмара и Леон...

Я отключаюсь.

Карина слишком сильно в отца.

Сейчас говорить с ней нестерпимо неприятно...

Давлю на газ, пользуясь тем, что нет пробок.

«Большой день», — выхватываю глазами надпись на рекламной растяжке по дороге.

Хороший знак. И то верно. Сегодня большой день.

Сегодня я сделаю предложение Дагмаре.

Глава 18

Воздуха в лёгких резко перестало хватать.

Я начала рвать его прерывистыми вдохами и выдохами, обжигая лёгкие.

Сердце неистово колотилось в груди.

Что он сейчас сказал???

— Посмотри на меня, Дагмара, — пальцы Рената нежно, но решительно коснулись моего подбородка и заставили поднять на него глаза.

Мир вокруг замер в сплошной картине из ярких пятен света и надвигающейся темени весны.

Он смотрел не просто мне в глаза. Он в душу мне смотрел.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Дагмара, — его голос стал севшим, даже сиплым.

Вдох — выдох. Только не упади, Дагмара. Только не потеряй сознание...

— Что ты такое говоришь, Ренат... Оставь свои приколы... — я прозвучала жалко, как писклявый комар. Мне было страшно. Сильно-сильно страшно...

Страшно поверить в его правду...

— Я не шучу, любимая... Не ищи тут ничего рационального. Тебя выбрало моё сердце и мои гены... Я просто смотрю на тебя и понимаю, что только ты можешь быть матерью моих детей, только с тобой хочу делить хорошее и плохое...

— он резко провёл рукой по волосам и усмехнулся. — Дураком сейчас звучу, как придурочный герой в дешёвой мыльной опере... Но вот так уж нелепо звучит правда...

— И что... сказал отец?

Господи... Может быть, я всё же смею надеяться...

Его тёплая рука продолжала сжимать мой подбородок.

Он быстро отбросил свой стакан с кофе и резко прижал меня к себе.

— Был шокирован, конечно. Не ожидал. Но... что он сделает? Это мой выбор. Я имею на него право... И потому одеваю тебе на палец кольцо, Дагмара... Всё, любимая. Ты моя, а я твой...

До меня сейчас всё, что он говорил и делал, доходило с опозданием...

Когда почувствовала на своём безымянном пальце тонкую дугу металла, вздрогнула, уставившись на руку.

Красивый камень переливался на пальце сотнями граней. Дух захватывало от этой красоты...

Я подняла на него всё ещё неверующий взгляд.

— И... что теперь?

Ренат взял меня за руки и снова внимательно посмотрел в глаза.

— Дагмара, послушай меня... Я поговорил с отцом. И да, он шокирован. Шокирован во многом потому, что у меня уже была названая невеста. Я не сватал её, но договорённость между семьями была. Это влиятельная семья, и наш

разрыв, безусловно, будет чреват последствиями... Он недоволен этими рисками, но поверь мне, я знаю отца: он примет наш выбор. Тем более, что ты не девочка с улицы, а он чувствует за тебя ответственность.

Я замерла, не зная, что сказать. Значит, по факту Сулейман против... Это плохо, это неправильно...

— Нельзя идти против отца...

Мой голос дрогнул.

Он глубоко втянул воздух.

— Ты серьёзно сейчас?! То есть ты предлагаешь мне отказаться от любви только потому, что отец сейчас ситуативно против?! Всю жизнь сожалеть только потому, что сиюминутный выбор выгодной партии для него более предпочтителен?! Нет, Дагмара! Я свою позицию обозначил и от неё не отступлюсь. Теперь тебе решать.

— Что... решать? — по лицу прокатился жар.

Он ухмыльнулся. Недобро так...

Сильно нервничал.

— Я всё время говорю о своих чувствах, Дагмара. А у тебя есть эти чувства?! Ты готова на них?! Согласишься быть со мной вопреки всему?

Я стояла поражённая, даже обескураженная...

— Дядя Сулейман многое для меня сделал...

— Твой отец погиб на службе у дяди Сулеймана, — резко оборвал моё блеяние он. — Он в долгу перед тобой.

— Но... как ты себе это представляешь? Мы живём под

одной крышей...

Мы...

— Если ты скажешь мне «да», Дагмара, я решу все наши вопросы, — он снова крепко сжал мои руки. — Только скажи «да». Только скажи, что всё это не зря и наши эмоции взаимны...

Я закусила губу...

То, что предлагал Ренат, было путём войны.

И в то же время, не признать то, что я люблю его, что я хочу быть с ним, глубоко в душе я не могла.

Разве когда выходила танцевать с ним, отбиваясь от неприятных ухаживаний соседа, я могла помыслить о таком?!

Мне в любви представляется Ренат!!!

— Решай, Дагмара... — положил руку мне на затылок и придвинулся к моему лицу.

Прошёлся горячим дыханием по скулам, поднялся к губам, по носу спустился к губам и замер...

— Ты станешь моей, Дагмара?

Когда я втягивала очередной жадный глоток воздуха, я втянула его аромат, такого близкого сейчас, дышащего на меня...

И зачем я себе врала?

Я сколько месяцев уже вот так им и дышу? Втайне выискиваю его фото, втайне любуюсь и мечтаю... Может быть, Аллах и правда надо мной сжалился? Может быть, я и прав-

да заслужила любви, честной, чистой и настоящей?!

Я прикрыла глаза, чувствуя, как влажные ресницы касаются горящих щёк.

— Да...

Прозвучало выстрелом...

Без шанса оступиться...

И тогда ещё я не знала, в мою ли или в его голову этот самый выстрел...

Глава 19

— Добрый вечер, а у нас гости! Семейство Гатиловых пожаловало. — выходит к нам навстречу Зарема, вытирая руки о полотенце. — Ренат Сулейманович, отец Вас ждёт в гостиной. Всё уже в сборе.

Меня игнорируют. Как всегда. Внутри всё резко натягивается, как струна. Место, где ещё полчаса назад было его кольцо, но я предусмотрительно его сняла, горит огнём.

Сердце не на месте. Не знаю пока, почему...

— Я в комнату, — произношу, резко сворачивая вправо, стоит нам пересечь порог дома через кухню, откуда любят заходить все домашние.

— Стой, Дагмара, — хватает он меня за руку. — Не надо уходить. Пойдём вместе.

Пульс моментально ускоряется до скорости света.

Я беспомощно рыскаю глазами по его лицу в поисках подсказки, но он решительное и каменное.

Только рука мою сжимает сильнее...

— Только давай без спектаклей, да? — опасливо щурюсь. Он же не собирается сейчас делать громких объявлений о наших планах, как в фильмах? Я просто не готова к этому, совсем... Мне ещё всё нужно осознать!

— Нет, — усмехается Ренат. — Я-то точно не собираюсь спектакли давать. Пойдём к столу. Ты часть этой семьи.

— Я выгляжу ни о чём... После спортзала, — продолжаю я находить отмазки.

Он решительнее подталкивает меня к широким дверям, ведущим в парадную часть дома.

Голоса в гостиной нарастают. Отступать уже некуда. Мы разом попадаем в залу, где за столом как минимум человек семь. Глава семейства, Карина, один из братьев Рената, который в доме бывает не очень часто, и... другую часть стола я вижу в первый раз.

— О, Ренат! Салам алейкум! — встаёт, завидев парня, неизвестный грузный мужчина, протягивая ему руку.

Я неловко жмусь в дверях. Щёки горят. Почему-то мне показалось, что женская половина успела по мне пройтись царапающим взглядом.

— Проходи, Ренат! Тебя все заждались! — вторит мужчине Сулейман. — И ты, Дагмара! Тоже проходи!

Черчесов-старший вроде как спасает ситуацию, не делая из моего присутствия тут цирковую нелепость.

— Вы знаете же мою воспитанницу? Дагмара. Умница большая. Сама в МГИМО в этом году поступила.

— Какая красавица! — огибает меня хитро-ироничным взглядом женщина в летах, явно пара того самого тучного мужчины. — За такой только глаз да глаз нужен. Берцинай яс.

Я скромно улыбаюсь.

Ренат здоровается со всеми собравшимися. Меня быстро

представляют.

— Это Малиха, Дагмара. Она уже заканчивает МГИМО. А это Гамиз.

Молодой мужчина тоже мажет по мне заинтересованным взглядом. Я киваю, как того велит традиция. Натыкаюсь на иронию в глазах Карины, и у меня снова ощущение, что она знает больше, чем говорит...

— Я только из зала, не буду мешать... — пытаюсь смыться, но дядя Сулейман останавливает.

— Слушать ничего не хочу! Зарема столько наготовила! А ну-ка! Быстро к столу! Мадина, принеси сыну и девочке приборы!

Беседа продолжается. Назвать её непринуждённой не получается, скорее разношёрстной.

Я чувствую, как закрылся и почерствел Ренат. Чувствую фонящее напряжение от Малихи, которая словно бы ищет с ним зрительного контакта.

Красивая, шикарная, дорого одетая. На её фоне в своём скромном чёрном спортивном костюме я чувствую себя нелепо.

А ещё мне не нравятся эти взгляды Гамиза.

— Так что, прямо из села твоя племянница приехала, Сулейман? — спрашивает он Черчесова через стол. — Быстро освоилась в Москве? Нравится тебе тут?

Я моментально сжимаю руками приборы, потому что не готова была ни к перекрёстному допросу, ни к излишнему

вниманию.

— Что-то нравится, что-то нет... — отвечаю тихо, не отрывая глаз от тарелки...

— Интересно... А я думал, после села Москва сказкой покажется...

— Вы, значит, не были в селе, чтобы так говорить... — вырывается из меня. — У нас очень красиво и душевно...

— Гамиз, девочку оставь, да? — хохочет и перебивает его собственный отец, тот самый тучный глава семейства Гатиловых, как я поняла. — Ты не слушай его, дочка. Я его недавно из Лондона вытащил, заставил домой вернуться. Вот он и кипишует... Лучше расскажи будущему родственнику, какую классную бизнес-идею ты придумал.

Мои уши моментально загораются.

Будущему родственнику?

Гамиз собрался сватать Карину?

Или же Малиха и брат Рената...

Или...

Не успеваю додумать. Карина тянет меня за плечо.

— Пойдём, Дагмар, на веранде девчонками чай попьём. Тут уже скучно становится.

Я извиняюсь и поднимаюсь из-за стола. Следом также идёт та самая Малиха.

Когда мы выходим из комнаты, готова поспорить, что мне спину прожигают глаза Рената...

Глава 20

Девушки вышли. Вскоре вслед за ними удалилась и мать семейства Гамизовых. Я остался за столом с мужиками, хотя предвкушал, что ничего хорошего из этого общения не выйдет. Сейчас всё явно сведётся к тому, для чего они сюда и приперлись. Я и Малиха...

Но не только факт того, что меня опять будут пытаться обженить, сейчас так бесил. Гамиз... Слишком сально он смотрел на Дагмару...

Словно бы считывая мои мысли, выдал:

— Хорошая девочка, — протянул он, откидываясь на стул. — Характерная. Мне нравится...

Молчу. Сжимаю пальцами край скатерти. Под ногтями белеет ткань.

— Сулейман, а что за девочка? — Гамиз повернулся к отцу, и голос у него масляный, как курдючное сало. Тварь... не унимается... — Прям под твоей опекой? Реально никого у неё нет?

Отец помешивает чай, не спешит.

— Дальняя родственница. Сирота. Её отец был моим охранником... — машет рукой. — Я помог, да. Учиться пойдёт.

— Красивая, — Гамиз облизнулся. Я видел этот язык. Он им её уже облизал всю, мысленно. — Созревшая. Взрослая.

А что учёба? Лучше бы замуж выдал...

Взрослая. Твою мать.

У меня внутри всё натянулось до звона.

— Тебе-то что? — вырывается у меня. Голос жёстче, чем я хотел. — Ты только женился.

Гамиз медленно поворачивается ко мне. Ухмыляется. Я эту ухмылку хочу разбить.

— Ну так нам можно, — он разводит руками, и мужики за столом сально ржут. — До четырёх жен. По обычаю. Особенно сиротки-бесприданницы. Помогу ей... Может, обсудим, а, дядь Сулейман?

Меня накрывает. Кровь приливает к лицу, к кулакам, к глазам.

— Её замуж нужно, — давит Гамиз, теперь уже глядя на отца прямо. Голос делается заботливым, почти отеческим. — Слишком видная. Сейчас в институте начнётся — проходу не дадут. Тебе нужны эти проблемы, Сулейман? Твоя забота хороша, но... у всего есть предел. Я готов обсудить махр, что тянуть... Раз твой сын не телится на помолвку с моей сестрой, так я ему пример покажу, как нужно женщин брать...

Он не успевает договорить.

Я вскакиваю. Стул летит на пол.

— Ты закрой рот, — говорю ему в лицо. Я уже над ним, вцепился в воротник. — Чмошник недорезанный. Он мне покажет... было бы что показывать...

Гамиз даже не дёргается. Только щурится. И тихо так, на весь стол:

— А что, тебе самому нужна? Ночами к сиротке ходишь в постель? Так и скажи...

Я бью.

Удар глухой, мясистый. Гамиз откидывается, но сразу лезет обратно. Его кулак врезается мне в скулу — в ушах звон. Я бью ещё раз, в живот. Он хрипит.

— Прекратите!!! — орёт Сулейман. Голос как плеть. — Вы оба как двое потерявших голову самцов! Что за срам в моём доме?!

Хватают за плечи, растаскивают. Я вырываюсь. Смотрю на Гамиза — у него из носа течёт, но он улыбается, скалится. Тварь.

В этот момент дверь распахивается.

Карина. Малиха...

И она...

Стоит на пороге. Босая, в чёрном дурацком костюме, волосы растрёпаны. Глаза огромные, тёмные, испуганные. Смотрит на меня, на Гамиза, на кровь...

Я замираю.

Всё — злость, ярость, желание убивать — уходит. Остаётся одно.

Жажда.

Голая. Животная. Невыносимая.

Она моя. Я не отдам. Никому. Слышите? Никому!

— Что здесь случилось, па? — спрашивает напряжённо Карина.

— Гости уже уходят, — цедит сквозь зубы Сулейман. — Дагмара, ты иди в свою комнату... И ты, Карина! Ренат, ты с братьями ко мне быстро... В кабинет...

После отцовской головомойки внутри словно бы улей. Лазит у меня в мозгах своим роем, жужжит... Ненавижу! Как же я всё это ненавижу...

Пошёл в свою комнату, со всеми разосравшись. Мне бы сигануть в машину, дать по газам и свалить, но... Нет... Не уеду сейчас...

Я ждал. Ждал, пока стихнут голоса, пока погаснут огни, пока весь этот чёртов дом не провалится в сон...

Потом пошёл.

К её комнате.

Дверь заперта на щеколду — дурацкая привычка.

— Дагмара, — сказал тихо и чуть постучал. — Отвори...

Спустя мгновение она открыла.

Растерянная, испуганная...

Волосы мокрые — только из душа. Распущены, завиваются змейками на кончиках. Майка тонкая, серая, старая. Просвечивает. Я вижу, что под ней ничего нет...

Шорты короткие. Ноги голые, до самых бёдер, сцеплены в коленях.

Она сжалась в комок, обхватив себя руками. Испуганные глаза смотрят на меня...

У меня перехватило дыхание.

— Ренат, что ты... — голос дрожит.

Я закрываю дверь. Запираю. Щеколда щёлкает — громко, как выстрел.

Она пятится назад, вжимается в стену. Губы трясутся...

— Я... боюсь...

Сердце пропускает удар. Я вижу её — маленькую, хрупкую, в этом дурацком костюме, который я хочу с неё содрать. Вижу страх в её глазах. И желание. Потому что оно там есть. Я знаю...

— Иди сюда, — говорю. Голос садится, становится чужим, хриплым.

Она не двигается. Только дышит чаще.

Тогда я иду сам.

Шаг. Второй. Она уже передо мной... Я прижимаю её, накрываю собой. Мои ладони на её талии — горячей, тонкой. Она вздрагивает.

Я подхватываю её под бёдра, рывком поднимаю. Она охнула, вцепилась мне в плечи. Ноги сами обвили мою талию — как будто ждали этого. Как будто её тело знало то, чего не знала голова...

Я прижимаю её к стене. Смотрю в глаза.

Потом целую.

Жадно. Голодно. Бездумно. Губы — её, мягкие, дрожащие. Я кусаю их, втягиваю, пробую на вкус. Она пахнет мылом, ромашкой и чем-то своим, глубоким, что бьёт мне пря-

мо в пах... То, что сразу сразило... Ещё в горах...

Руки скользят под майку — по животу, по рёбрам, выше. Кожа у неё горячая, мурашками покрывается под моими пальцами. Я сжимаю её грудь — тяжёлую, податливую, без всякой ткани. Она выдыхает мне в рот.

— Ренат...

— Я осторожно, — шепчу, зажимая ей рот ладонью. — Просто покажи мне, что ты моя, Дагмара...

Целую шею — туда, где бьётся жилка, где она пахнет особенно остро. Она выгибается, стонет в мою ладонь.

Я ласкаю её — грудь, бёдра, всё, до чего дотягиваются руки. Гладил, сжимал, требовал... Она тает, плавится, забывает, где находится.

Со сладких губок срывается стон.

Меня конкретно вставляет. Невинная девочка стонет... Сладкий порок. Сахарный... Только для меня...

— Тише, — шепчу в ухо. — Чтобы нас не услышали...

Она закусывает губу до крови. Дышит через нос. Её пальцы в моих волосах, её ноги крепче сжимают мою талию.

Я уже ничего не соображаю. Только чувствую. Она сводит с ума...

Трусь о неё своим стояком. Чтобы знала, что её ждёт...

Идут все к чёрту. Завтра я начну решать наш вопрос. Поставлю всех перед фактом... Не посмеют мне больше навязывать свою чёртову волю!

В этот момент скрип за дверью. Протяжный, тонкий.

Я замираю. Она замирает.

Чьё-то дыхание. Тяжёлое. Слушающее.

Не шевелимся...

В коридоре кто-то медленно выдыхает. И отступает — тихо-тихо. Но не уходит. Остаётся там, за дверью.

Я смотрю на Дагмару. В её глазах — ужас.

Нас слышали...

Глава 21

— Я знаю, что вы делали прошлой ночью, — произносит Карина за завтраком, когда мы остаёмся с ней вдвоём.

Я весь разбитый и злой после очередной утренней стычки с отцом на голодный желудок и мутный мозг. Цежу кофе, который не помогает.

Она специально задержалась дольше всех членов семьи. Лиса... Знаю, что ей что-то от меня нужно... И выглядит тоже неважно. Чего это... А, вот оно что...

— Ты же, надеюсь... — начинает она, сканируя меня, как МРТ. Чтобы точно, если совру, она просекла...

— Нет. Ничего не было... — произношу, делая последний глоток холодной горькой жижи. Какие отвратные зёрна. А может, эта вульгарная дура Мадина варила. Ненавижу её кофе. — Но у меня всё серьёзно с Дагмарой.

Поднимаю на неё строгий взгляд и не отвожу.

— Это всё, мне кажется, вчера поняли...

Многозначительное молчание после бесит.

— Я хочу жениться и уже сделал предложение.

Она зависает, моргая.

— И...

— Что «и», Карина? Сказал, значит женюсь! Я не собираюсь плутовать. Дагмара — моя женщина. Ради неё мне хочется горы свернуть. А эта тупая Малиха пусть идёт на хер...

— Если она пойдёт на хер, в моей жизни тоже резко всё изменится не в лучшую сторону... Отец решит компенсировать убытки через меня и...

— Тебя пока никто никуда не выдаёт, Карина. Что за эгоцентризм, — закатываю глаза раздражённо. Вот она к чему... Испугалась, что наш патриарх обратит своё всевидящее око на неё, раз я поступаю неугодно...

— На самом деле, я не с претензиями, Рен... Я наоборот... Я так и поняла, что... ты сказал Дагмаре о намерениях, потому что она бы иначе точно тебя к себе не подпустила... Так вот, как я понимаю, папа не в восторге от твоих планов... Так что действовать надо быстрее.

— И? К чему эта тема, Карин?

Она выдохнула и снова вдохнула.

— У нас есть Московское управление по делам мусульман. Им подотчётны оба имама, которые заключают никахи. И все они в кармане у нашего отца как у крупного мецената. Про твои планы узнают сразу. А гражданский брак требует как минимум месяца ожидания после совместно поданного заявления, да и тут тебя сразу спалят отцу... Все такие обращения проходят через МФЦ, а в мэрии у папы тоже всё свои... Помнишь, как он узнал, что вы с Тимуром ИП открыли на совершеннолетие сразу?

В её словах был резон. Чёрта с два... Я настолько в кашу сейчас, настолько в душе сумбур, что элементарного-то и не учёл...

— Короче, я придумала одну вещь, Ренат. Не буду врать — у меня шкурный интерес... Из республики в Египет летит один имам на конкурс хафизов. У Милейки брат его хорошо знает. Он может вам совершить никах. Отец не сможет докопаться раньше времени. Сделаешь и предъявишь ему...

— В чём твой интерес, Карина? — рассматриваю теперь я её через сканер... Сестрица, что задумала...

Она выдыхает и поднимает на меня глаза.

— Мой садовник, как ты говоришь, хочет принять ислам. Чтобы мы поженились...

Она говорит это, а у меня челюсть отвисает.

Реально?

Она совсем тю-тю? Ладно я...

Но Карина...

Ещё и русский парень без кола и двора...

— Ты сейчас стебаешься? — наклоняюсь ближе, но вижу, каким хищным вмиг становится её лицо...

— Я помогу тебе, Ренат, а ты поможешь мне... — стреляет в меня острым взглядом, в котором столько от отца, что мне даже страшно становится. — Или мы оба пойдём ко дну... Это выход... И действовать надо быстро. Отец вчера после драки, когда ты ушёл, хлопнув дверью, прямо сказал отцу Малихи, что в субботу ты пришлёшь сватов... Вот так, братец... Со дня на день папенька выдвинет тебе ультиматум... И я грешным делом думаю, что и Дагмару могут под шумок пристроить за другого... Как бы и не насильно... Что там па-

хан говорил? Магомед-то смазливенький у него на примете? А если он украдёт себе невесту, как требует традиция? Жестокая традиция...

Глава 22

Я запомню этот день до мельчайших деталей... Запомню свет, льющийся в окна авто, когда мы рассекали прохладное для июня лето Подмосковья, уверенно несясь навстречу своей судьбе. Небольшая мечеть в городке на пятьдесят тысяч человек, построенная на деньги меценатов...

Тихая церемония. Тихая для всего мира, но не для нас... Не для меня, чьё сердце было готово вырваться наружу, как голубка из тесной клетки, ни для Рената, который так и не выпустил мою руку, пока мы ехали к обговорённому месту.

Секретная церемония. Конспирология, как в фильме. Волнение — самое важное и самое неизбежное в мире...

«Я люблю тебя», — прошептали его губы, касаясь моего лба, нежно, почти невинно, с пиететом...

Ренат смотрел на меня, как на прекрасную богиню. Я видела блеск восторга в его глазах.

И я была счастлива. Дико счастлива в тот момент...

Мы свернули с федеральной трассы под светофор. Зелёные газоны с узорчатыми клумбами из петуний, хаотичная, но добротная кирпичная застройка частного сектора. Небо было голубым, с пышными, похожими на безешки облаками.

Навигатор уверенно сказал женским голосом, что нужно дать вправо, — и он включил поворотник, съезжая на просёлочную дорогу. Она всё ещё была асфальтированной, но

ощущение интимности, нашей общей тайны лишь нарастало.

На месте, у строгого забора, закрывающего жизнь местной уммы от посторонних глаз, нас уже ждали две машины.

Друзья Рената и Карина, как он объявил мне.

Для никаха нужны свидетели... Хватит трое мужчин. Карина была снаружи, как моя поддержка.

Стоило нам выйти из авто, она тут же приобняла меня и одобрительно кивнула.

А я и подумать не могла, что всё сложится так удивительно и хорошо... Что эта строгая девушка, высокомерная и предельно далёкая от моего простого мира, в итоге станет моей союзницей, соратницей на пути моей любви к её брату...

Раннее лето вокруг благоухало... И эта красота словно бы убаюкивала мои последние сомнения... Всё будет хорошо! Непременно! Любовь победит!

— Ты очень красивая... — прошептал мне тихо Ренат, когда мы поднимались в зал для скромной церемонии, а я успела покрыть голову белым кружевным платком, который протянула мне Карина. — У тебя ошеломительная красота, Дагмара... Она сносит, как дикий поток горной реки дамбу...

А я вдруг вспомнила слова бабушки...

Смогла ли я усмирить зверя... Смогла ли обуздать свою красоту? Даже если у меня на это не было сил, они были у Рената... Он станет моим мужем, моим любимым, моим избранным, моим хозяином...

Мулла в зелёной тюбетейке посмотрел на нас с улыбкой.

Его раскосые светлые глаза и широкие скулы, однако, заставили сразу задуматься, что он не нашей национальности, как говорил Ренат, когда открывал мне их с Кариной план...

— А где наш мулла? — спросил один из друзей Рената. Они были посвящены в планы и уже переговорили с этим человеком, решив все вопросы. Не каждый бы согласился втайне совершить обряд с сыном одного из самых богатых и влиятельных людей республики.

— Не волнуйтесь, — вмешался второй парень, который был с Кариной. — Кади не смог присутствовать, срочно вызвали в республику из-за наводнения. Это имам Ахмет, он из татарской Бугульмы. Тоже наш большой брат... Брат по умме...

О том, что наш родной край постигло горе, мы только и говорили последние три дня. Дядя Сулейман тоже сорвался с места, отправив караваны с гуманитарной помощью. Сам поехал тоже. Два его младших сына его сопровождали.

Ренат должен был вылететь на подмогу уже завтра утром... Мы обговаривали это, и я его во всём поддержала. Я вообще настаивала, чтобы он поехал раньше и всё перенёс, но Ренат был непреклонен.

— Ты должна стать моей женой как можно раньше, Дагмара. Уверен, что как только отец вернётся из республики, переоценив на фоне происходящего ценность и хрупкость человеческой жизни и взаимоотношений, он примет наш со-

юз без драм и скандалов. В любом случае, он уже ничего не сможет сделать... Ты не простая девочка с улицы. Он знал твою семью, он взял за тебя ответственность. Всё будет хорошо...

«Всё будет хорошо»... Я сама повторяла это про себя снова и снова...

Всё будет хорошо. И никак иначе. Просто не может оно быть иначе!

Мулла ставит нас подле друг друга и начинает обряд. Молитва на арабском льётся, как древняя тайна. Я едва сдерживаю слёзы и никак не могу унять буйное сердцебиение. Чувствую на себе полные любви и самоотверженности взгляды Рената.

Люблю его! Люблю!

Когда имам произносит последние слова, мужчины, держащие руки сложенными перед собой, проводят по лицу и произносят имя Всевышнего.

Мы поворачиваемся к гостям, начинаем принимать поздравления.

Мужчины ставят какие-то росчерки в бумаге...

Ренат смотрит на меня, а я и глаз не могу поднять... Разревусь...

Разревусь сейчас от эмоций...

— Он арендовал вам такое милое брачное гнёздышко... — шепчет мне на ухо Карина. — Тебе понравится, Дагмара... Ты любишь такие места...

Мы и правда поспешно прощаемся с друзьями и снова съезжаем на трассу. Пара десятков километров — и ещё один милый ухоженный населённый пункт в Подмосковье. Загородный дом отдыха, утопающий в хвойном лесу.

Деревянный, изысканный, аутентичный...

Кто бы мне сказал год назад, что моя первая брачная ночь пройдёт в таком месте... Мне, девочке с гор...

Его взгляды становятся более откровенными, а прикосновения жаркими и многообещающими.

Мы идём на ресепшн, расположенный в одном из деревянных срубов, забираем ключ от номера с забавным брелоком в форме какой-то бабки-ёжки, выстроганной из ветки.

А потом я теряю дар речи, когда он ведёт меня к фантастической красоты домику со своим выходом в лес, дымящим ароматным чаном, где уже заварены какие-то растения и хвоя. Я жмурюсь, когда мы проходим на задний дворик мимо большой деревянной кровати, почти на весь номер...

Ренат заносит наши вещи и хлопает дверью, я вздрагиваю...

Глава 23

Тишина...

Нет — не так. ТИШИНА. Такая густая и плотная, что вдруг разом слышно, как потрескивают смолистые брёвна сруба, как шумит хвоя за окном, как моё сердце — безумное, обезумевшее — колотится где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев, которые я сама не замечаю, как сжимаю в кулаки...

Ренат стоит у двери. Не двигается.

Я чувствую его взгляд спиной — горячий, тяжёлый, невыносимый... Он смотрит так, словно раздевает меня, даже не прикоснувшись. Словно уже прошёлся губами по каждому миллиметру моей кожи, прикрытой тонкой тканью платья, которое выбрала Карина — белое, кружевное, почти невесомое, но в то же время целомудренное. С ЦУМа, куда меня возил впервые в жизни Ренат и куда когда-то она сама сказала мне, что мне вход закрыт как деревенщине и голодранке... Оно вдруг сейчас кажется мне неприличным — слишком откровенным, слишком прозрачным в этом полумраке, где единственный источник света — закатное солнце, пробивающееся сквозь резные ставни. Но даже если бы я была в панцире, всё равно бы под этим взглядом чувствовала себя голой. Потому что это неизбежно... Моя душа сейчас оголена... Оголена перед ним...

— Дагмара...

Его голос низкий и хриплый. Но таким я не слышала его никогда — даже в самые откровенные минуты, когда он шептал мне на ухо то, от чего кровь приливала к щекам и не только к ним... Сейчас это голос мужчины, который в шаге от своего рая... Адам, уже начавший вкушать запретный плод...

Закончим мы так же? Как первые мужчина и женщина?

— Повернись...

Не просьба. Приказ. Мягкий, но непреложный.

Я поворачиваюсь медленно. Как во сне. Как в том самом сне, который снился мне девочкой — про огромную любовь, про мужчину, от одного взгляда которого внутри всё переворачивается и замирает. Я проигрывала его в голове снова и снова, пока сидела на лавочке у нашей сельской библиотеки у горной реки... Поток воды уносил мои мысли вдаль, словно бы обещая, что всё это когда-нибудь сбудется. Всё то прекрасное, о чём я читала в книгах... И вот, я здесь... Героиня своего романа... И настоящий герой рядом...

Он всё ещё стоит в своей тёмной рубашке, расстёгнутой на две пуговицы сверху. Видны ключицы, ложбинка на шее, лёгкая испарина — то ли от духоты, то ли от напряжения. Глаза — омуты, чёрные, бездонные. В них нет больше того спокойного, уверенного Рената, который вёл меня под руку на церемонию. Там — зверь.

Тот самый зверь, о котором говорила бабушка.

На мгновение я даже его боюсь, а потом... Потом пони-

маю, что усмирила его.

Ренат выбрал меня, хотя мог взять любую...

Я тоже хищница. Его пара...

— Ты теперь моя... Навсегда... Понимаешь?

Я киваю. Горло пересохло, язык будто приморожен к небу.

— Нет, — он качает головой и останавливается в шаге от меня. — Скажи. Я хочу слышать это из твоих уст. Вслух. Ты — моя?

— Твоя, — шепчу я, и голос предательски дрожит. — Вся. Полностью...

Он закрывает глаза на секунду. Дышит глубоко, как ныряльщик перед прыжком в бездну. А когда открывает — я вижу не просто желание. Я вижу голод. Такой, что становится страшно. И сладко. И хочется одновременно убежать и упасть перед ним на колени, обхватить его бёдра, прижаться лицом и сказать: «Возьми меня. Сделай что хочешь. Я твоя. Согласна на всё»...

Тени такого Рената я видела тогда, в машине, когда он забрал меня из клуба... Сейчас это уже не тень... Это моя неотвратимая реальность...

— Каждый день, — говорит он, и голос срывается на рык. — Каждую минуту, каждую секунду, с того момента как увидел тебя, я хотел этого. Не просто тебя. Этого. Права называть тебя своей. Права срывать с тебя одежды и знать — ты не уйдёшь. Ты останешься. Ты — моя жена... Я хотел от те-

бя детей. Хотел видеть у них твои глаза. Хотел, чтобы ты была той, кто подаст мне чашу с водой перед смертью и будет оплакивать у могилы... Ты, Дагмара... И никакие доводы не властны над выбором моего сердца... Никакие корыстные схемы и расчёты отца или других...

Его слова — как печать на моём сердце. Я жадно хватаю каждый росчерк металлического пера по плоти. Знаю, что эти шрамы навсегда. Это не боль. Это неизбежность. Моя неизбежность...

Жена... Он произносит это слово так, будто в нём вся вселенная. Жена. Не любовница. Не девочка на одну ночь. Жена...

Мы оказываемся напротив друг друга, переплетая дыхание... Его пальцы касаются моего подбородка — кончиками, едва-едва, как пёрышком. Поднимают моё лицо вверх. Заставляют смотреть прямо в эти чёрные дыры, в которых я готова исчезнуть навсегда.

— Раздень меня...

Два слова. А во мне — ураган.

Мои руки трясутся, когда я расстёгиваю оставшиеся пуговицы на его рубашке. Медленно. Неловко. Ренат не помогает — стоит, как изваяние, только дышит тяжело, и я вижу, как вздымается его грудь, покрытая лёгкими тёмными волосами. Вижу шрамы — старые, белесые, историю его жизни, написанную на коже. Хочу поцеловать каждый. Позже. Сейчас я не могу отвести взгляд от его глаз — они следят за каждым

моим движением, и в них пламя.

Рубашка падает на пол. Я провожу ладонями по его плечам — твёрдым, как камень, по груди — горячей, влажной от пота. Он пахнет терпко, по-мужски, так, что кружится голова...

— Дальше, — шепчет он мне в губы, не целуя, только касаясь дыханием.

Ремень. Пряжка поддаётся не сразу — руки не слушаются.

— Дагмара, — его голос — предупреждение. — Не испытывай моё терпение. Я и так держусь из последних сил...

Я смотрю на него снизу вверх — он выше на голову, шире в плечах, сильнее, опаснее. В его жилах течёт кровь гор, кровь воинов, кровь мужчин, которые брали то, что хотели. И сейчас он хочет меня.

— А если я хочу испытать? — вырывается у меня — дерзко, вызывающе, и я сама пугаюсь собственной смелости...

В его глазах что-то загорается с искрой. Ломается последний барьер, последняя преграда, за которой — тьма и пламя одновременно...

Он берёт меня за талию — резко, рывком, прижимает к себе так, что я слышу, как бешено бьётся его сердце в унисон с моим. И целует.

Не нежно. Не почтительно.

Жадно, глубоко, так, что воздух кончается, а лёгкие горят. Его язык врывается в мой рот без спроса, без разрешения — берет, завоевывает, метит. Я стону — не могу сдержаться.

Звук вырывается сам, глухой, почти животный. Мои пальцы впиваются в его спину, ногтями царапают кожу — пусть помнит, пусть чувствует.

Он отрывается от моих губ, чтобы проложить дорожку из поцелуев по скуле, по шее, ниже — туда, где бьётся жилка на ключице. Прикусывает — больно, сладко, так, что искры из глаз. Проводит языком по месту укуса — залечивает и дразнит одновременно.

— Раздену тебя сам, — выдыхает мне в плечо. — Не могу больше ждать...

Ткань моего платья трещит — он не стал возиться с завязками, просто рванул. Кружево летит на пол белыми хлопьями, словно лепестки. Я взвизгиваю — от неожиданности, от дикости этого жеста. Но он уже не слушает, не слышит ничего, кроме своего желания.

Я стою перед ним почти обнажённая — остались только бельё и платок на голове, сбившийся набок.

Ренат замирает.

Смотрит...

Медленно, невыносимо медленно, обводит взглядом каждый изгиб — плечи, грудь, талию, бёдра. Его дыхание становится прерывистым, с хрипотой.

— Ты, — говорит он тихо, почти благоговейно. — Самое прекрасное, что я видел в своей жизни.

И падает на колени.

Прямо передо мной.

Этот гордый, сильный мужчина — на коленях. Его лицо на уровне моего живота. Он смотрит снизу вверх глазами, полными такой страсти, такой обожающей боли, что у меня подкашиваются ноги...

— Ренат... Нет... — рваный выдох, когда сильные руки впиваются в бёдра...

— Молчи, — шепчет он и прижимается губами к моему животу. Чуть выше пупка, где кожа самая тонкая, где нервные окончания ближе всего к поверхности. Целует, как молится — благоговейно и жадно одновременно. Его руки скользят по бёдрам вниз, пальцы впиваются в ягодицы, притягивают меня ближе. — Сейчас я буду поклоняться тебе. Каждый сантиметр. Каждую клетку... Моя женщина...

Его губы спускаются ниже, за край трусиков, и я задыхаюсь. Мир сужается до его рта, до его языка, который выписывает узоры на моей коже, до его рук, сжимающих меня так, что наверняка останутся синяки. И пусть. Пусть останутся. Я буду гладить их пальцами и вспоминать.

А потом... Потом его язык касается моего паха и... проникает... Боже... Пьёт, ласкает, клеймит...

А потом поднимает меня на руки — легко, будто пушинку — и несёт к кровати. Деревянная, почти на весь номер, укрытая чем-то мягким, пахнущим лавандой и лесом. Я падаю на спину, волосы рассыпаются по подушкам.

Ренат нависает сверху — тёмный силуэт на фоне закатного окна, в глазах — ад и рай одновременно.

— Тебя никто не слышит, — шепчет он, проводя носом по моей шее, вдыхая. — Этот дом далеко от всех. Кричи для меня, Дагмара... Я хочу слышать тебя. Всю. Настоящую.

Он стягивает с меня остатки белья одним движением — резким, нетерпеливым. Теперь я полностью обнажена перед ним, и стыд ушёл куда-то, смыт жаром, текущим между ног, сожжён его взглядом, которым он пожирает меня.

— Моя, — рычит он, накрывая меня своим телом. Горячим, тяжёлым, пахнущим потом и мужской силой. — Скажи это...

— Твоя, — выдыхаю я, выгибаясь ему навстречу. — Только твоя.

Он входит в меня без предупреждения — резко, глубоко, и я вскрикиваю от неожиданности и полноты ощущений. Боль резкая и дикая... Ни на что не похожая... Он заполняет меня всего собой, стирает границу между «я» и «ты», между «моё» и «твое».

— Дагмара...

Замираем... Проживаю это чувство... Мою жертву... Я принадлежу теперь этому мужчине... Я его...

Он шепчет моё имя как заклинание, как молитву, как единственное слово, которое имеет значение. Движения его — то медленные, сводящие с ума своей глубиной и нарастающим ритмом, то быстрые, почти грубые, от которых искры из глаз и стон застревает в горле.

Я царапаю его спину, кусаю плечо — оставляю свои мет-

ки, свои знаки. Он стонет в ответ — низко, глухо, и это заводит ещё больше. Хочется сделать ему больно и сладко одновременно, хочется услышать этот стон снова и снова...

— Ты сводишь меня с ума, — рычит он мне в ухо, и его дыхание обжигает. — Ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю сегодня...

— Покажи, — шепчу я в ответ, и в моём голосе — вызов, и в теле — дрожь, и в сердце — полное, абсолютное, безоговорочное доверие. — Покажи мне всё...

За окном темнеет. Хвойный лес шумит.

А между нами пожар, которому не нужно топливо. Он сам себя питает. Он будет гореть всю ночь — стихать и разгораться с новой силой. Он будет лизать языками пламени каждый сантиметр нашей кожи, выжигать внутри всё, что было до. Оставлять только пепел и нас — двоих, сплетённых воедино, не разорвать.

Я запомню эту ночь так же ясно, как день сегодняшней церемонии.

Запомню шёпот его имени на своих губах. Запомню, как в какой-то момент мир взорвался тысячей осколков, и я летела в пропасть, а он держал меня за руки и летел со мной. Запомню, как после, обессиленная, лежала на его груди, слушала ровное биение сердца, и он гладил меня по волосам, целовал в макушку и говорил что-то бесконечно нежное — на нашем родном языке, который я чувствовала каждым нервом.

Запомню, как он смотрел на спящую меня — я притворя-

лась, что сплю, а он не знал — и в его глазах было что-то от испуга. Такого, от которого хочется защитить. Того самого — от силы собственных чувств, которая оказалась выше плотины, выше гор, выше всего, что он знал до меня.

А потом он уснул. А я — нет. Я смотрела в потолок и улыбалась в темноте.

Это было совершенное, абсолютное счастье. Счастье единения мужчины и женщины... Так вот он какой, рай...

Теперь я знаю...

И потому не могла не понять, когда из этого рая меня изгнали уже ранним утром...

Глава 24

Я проснулась, как от толчка. Словно бы кто-то пнул меня. Большая кровать, смятые простыни. Красное пятно на той, что прикрывала тело сверху... Его отсутствие...

Первая мысль — Ренат в душе или не стал будить, пошёл погулять по утреннему лесу. Сладко потянулась в постели, думая о том, что было между нами... В душе пылал огненный цветок.

Я женщина, его женщина...

Его руки, ласки, слова... Его шёпот и дыхание...

Я отдавалась этому мужчине не только телом, но и душой... Словно бы мы выстраивали невидимую связь, по кирпичику возводили её между нами... Чтобы связать сердца навсегда.

Услышала доносящийся из гостиной голос диктора на телевизоре. Сердце весело екнуло в груди...

Значит, уже не спит и меня не стал будить...

Я улыбнулась, встала с постели, сгребая простынь и оборачиваясь в неё, как в кокон.

На ходу поймала своё отражение в зеркале... Взъерошенная, помятая, но счастливая...

Сделала решительный последний шаг, преодолевая дверной арочный проём и... замерла, увидев Карину, вальяжно развалившуюся на диване с пультом...

— Привет, — сказала она с небрежной улыбкой, пробежавшись по мне глазами. — Видок у тебя... Говорящий...

Щёки моментально покраснели.

Сестра мужа снова перевела глаза на телевизор, меланхолично, на первый взгляд, переключая с одного канала на другой.

— А где Ренат? — этот вопрос волновал сильнее, чем факт того, что здесь Карина. В то время как она должна была быть уже в Москве. Она ведь сразу после никаха уехала...

Девушка наконец оторвалась от телевизора, выключила его и встала.

Улыбнулась.

Хитро и совсем так, как улыбалась в самом начале нашего знакомства.

По телу пробежал неприятный холодок.

Я помнила её такую...

Помнила так отчётливо, что стало страшно.

За мгновение вся её добрая личина, вся её способность расположить к себе и показать, что она вовсе не такая уж высокомерная, как показалась мне в самом начале, улетучилась...

Встала, обошла меня медленно. Снова усмехнулась.

— Глупая, глупая бесприданница Дагмара... — улыбнулась она мне хитро. — Ты реально решила, что мой брат, старший сын самого Сулеймана Черчесова, женился на тебе, глупышке из высокогорного аула, нелепой сиротке, бедной

родственнице? Реально, Дагмара?

— Что ты такое говоришь? Где мой муж? — мой голос дрогнул, хоть я и старалась держать спину прямо...

— Он тебе не муж, Дагмара. Ваш никах недействителен. Имам — просто актёр из Бугульмы, третьесортный пацан, которому Ренат заплатил сто баксов. Можешь его портфолио актёрское посмотреть. Ты думаешь, почему вдруг резко произошла рокировка улемов? Потому что дагестанский имам, разумеется, не стал бы участвовать в этом цирке. А его свидетели — дружки по блядкам, дорогуша... Они что угодно сыграют, чисто по приколу...

— Ты лжёшь... — отступила я, упершись в острый край стеклянного стола. Но на душе было больнее и острее... Не может быть... Не может!

— Не лгу, милая... Се ля ви... Это жизнь... И это Кавказ, милая моя... Каждой твари по паре. Ты не пара Черчесовым. Максимум — быть его подстилкой... Он инсценировал этот спектакль только для того, чтобы трахнуть тебя, идиотка...

— Я тебе не верю!

— Не веришь? — подняла она бровь и хмыкнула, снова взяв в руки пульт от телевизора. — Я тут маленько понастраивала смарт ТВ. За дополнительную плату. Чтобы можно было поймать спутниковые каналы республиканские. Смотри, дура. Прямой эфир...

Я впилась глазами в кадры на экране. Новостной выпуск. Узнала до боли знакомую эмблему в углу дисплея. Это цен-

тральный канал нашего субъекта. Рассказывают о сильнейшем наводнении, о том, что самые сильные люди региона прибыли на родину, чтобы оказывать помощь. Показывают кадры, как Сулейман Черчесов, крупнейший бизнесмен и меценат, выделил миллионы долларов на восстановление плотины, как его сопровождает старший сын и будущие родственники из семьи Малихи... И тут — крупный план... Я вижу Рената, Малиху и её брата... Они вместе... В скромной спортивной одежде и высоких сапогах, занимаются вместе осмотром затопленного села. А диктор велеречиво рассказывает о том, что эта пара решила прервать свои приготовления к свадьбе, потому что намного важнее сейчас безопасность и благополучие малой родины...

Я замираю... Дышу и не могу продышаться.

В следующее мгновение подрываюсь к телефону, начинаю набирать Ренату, гудки идут, но он сбрасывает...

А потом приходит сообщение: «Перезвоню, занят»...

Я успокаиваю себя...

Это ведь ничего не значит...

Они просто там пересеклись...

Я должна верить его словам, его рукам, его клятвам... Его глазам...

— Нет, Дагмара, — произносит спокойно Карина, смотря мне в глаза. — Оставь иллюзии. Ты просто его игрушка... И никуда теперь от него не денешься. Он будет играться с тобой тогда, когда захочет. А ты будешь молчать и терпеть.

Потому что иначе узнает наш отец и выставит тебя на улицу как не оправдавшую его надежды... Мой тебе совет — лучше слушайся Рената. Со временем переедешь в город, он будет тебя обеспечивать, пока не надоешь. Но у тебя будет возможность подкопить и получить всё же образование. Потому что если вся эта ситуация вскроется, отец, разумеется, не от сына старшего откажется, а от тебя избавится... С семьёй Малихи всё на мази. Они нужны отцу... Он в рог скрутит Рената, но женит его на ней...

— Я не верю... — шепчу я... — Не верю... Зачем он это сделал, если это так? Если знал, что от Малихи никуда не деться...

— Потому что на тебя запал её брат, — пожимает она плечами. — Он просто трахнул тебя раньше... Ладно, давай, собирайся... Скоро выселение. Я уже закрыла счёт вашего вчерашнего разврата. Мне поручено доставить тебя до дома. Как брат вернётся с отцом, он сам тебе всё скажет...

— Я не верю тебе, Карина... Он любит меня...

Сестра Рената закатывает глаза. Потом берёт телефон и показывает их переписку...

Перед глазами всё расплывается...

Я вижу номер её брата. Я знаю его наизусть...

И всё, что написано там, почти дословно дублирует то, что сказала сейчас она.

Как контрольный выстрел, один из его ответов на фразу о нанятом актёре — голосовое...

«— Ладно, пойдёт. Всё равно никах ничего не значит. Главное, чтобы она поверила.

— Не жестоко к девочке? — вопрос и смайлик от Карины.

Его смайлики в ответ. С закатанными глазами.

— Я же всё равно буду о ней заботиться... Какая разница, в какой роли? Всё равно она не тянет на мадам Черчесову... Ни породы, ни манер...

— Поняла) Тянет на мадемуазель в постели Черчесова...»

Их переписка заканчивается кучей смеющихся рожиц со слезами на глазах.

Но на моих глазах слёз нет...

— Хорошо, Карина. Дай мне пять минут, — произношу я. — Оденусь.

Иду в соседнюю комнату, собираю свою одежду по полу.

Она бесцеремонно заходит.

— На бери, не в этом же дурацком платье псевдоневесты поедешь. Вот тебе спортивный костюм.

Я молча забираю протянутый пакет. На автомате переодеваюсь...

До города мы едем в полной тишине. Она сама не остаётся. Говорит, ей срочно нужно в аэропорт. Только высаживает меня у самого крыльца дома, который теперь кажется мне замком Дракулы... Да, не иначе. Там живут настоящие вампиры, выкачавшие из меня всю жизнь.

Долго стою на входе, смотря в тёмный лес. Пока ноги не коченеют. А потом выходит Мадина и недоуменно смотрит

на меня, морщась.

— Ты что тут застряла?

— Я сейчас... — отмираю. — В доме кто-то есть?

— Кто тебе должен быть в доме? — закатывает она раздражённо глаза. — Ты что, не в курсе? Завтра у Рената в республике обручение официальное. Все туда уехали.

Меня снова словно ушатом холодной воды обливают...

Значит, все всё кругом знали. Только я дура, развесившая уши, собравшая лапшу на них...

Начинаю быстро и часто дышать, хватая паническую атаку...

Мне больно. Мне так больно...

Эта боль даже заслоняет боль физическую, ту, что всё ещё горит между ног...

Напоминает о моём позоре... о его обмане...

Я словно бы самоуничтожаюсь сейчас, самоликвидируюсь...

Это так страшно...

Я прямо чувствую, как моя душа рассыпается на тысячи песчинок...

Прохожу в дом, захожу в свою коморку...

Зачем-то проверяю телефон, на котором так и нет ни одного вызова... Ни одного больше сообщения от него...

Осознание того, что я должна делать дальше, приходит вспышками молнии. Мой план складывается не как паззл. Это ошмётки моего сердца, которые я сейчас собираю, со-

единяю и штопаю...

Это даже не месть. Это огонь, в котором сгорят все...

Что там бабушка говорила про зверя? Да, зверь на свободе... И он не сожрёт меня. Я сама стала зверем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.